

КЭТ ХОВАРД
РОЗЫ И ТЛЕНЫ

КЭТ ХОВАРД — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.
НИЛ ГЕЙМАН

Мастера магического реализма (АСТ)

Кэт Ховард

Розы и тлен

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44

Ховард К.

Розы и тлен / К. Ховард — «Издательство АСТ»,
2016 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-113666-6

Имоджен и Марин – сестры, их отношения сложны, полны тайн и недосказанности, ужасных детских воспоминаний и надежд на будущее. Однажды обе они получают приглашение провести почти целый год в «Мелете» – кампусе для молодых представителей творческих профессий. Марин – балерина, ее танец покорял сердца зрителей, когда она была еще школьницей. Имоджен – начинающая писательница, которая с детства пишет сказки и хочет рассказать правду о том, как им с сестрой жилось в доме матери. Но сестры не подозревают, что «Мелета» и есть тот таинственный край, где сказка встречается с реальностью, и хэппи-энд может обернуться кошмаром. Сестрам и их возлюбленным, друзьям и недругам, наставникам и противникам предстоит немало испытаний. Они должны будут встретиться с непостижимыми существами и ответить самим себе на множество неудобных вопросов.

УДК 821.111-31

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113666-6

© Ховард К., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кэт Ховард Розы и тлен

Kat Howard
Roses and Rot

© 2016 by Kathleen Howard
© Е. Кузнецова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моей сестре

*Мой друг, рассказ влюбленных этих странен.
Да, но правдив едва ли. Я не верю
Всем этим старым басням, детским сказкам.*

У. Шекспир «Сон в летнюю ночь»¹

---

¹ Перевод М. Лозинского. Здесь и далее прим. переводчика.

Глава 1

Марин села на мою кровать рядом с почти собранным чемоданом.

– Имоджен, мне так не хочется, чтобы ты уезжала.

О себе я того же сказать не могла.

– Через два года я бы все равно уехала в колледж.

– Да, но ведь это было бы только через два года.

Она порылась в куче моих футболок и вытащила одну, с розой, вышитой обтрепанными лентами.

– Между прочим, это моя.

– Извини, забыла. – Я взяла Марин за руку и провела большим пальцем по ее побледневшим шрамам. Вот беда, мои следы от ожогов зажили не так гладко.

– Ты же знаешь, я не могу остаться, Марин.

– Знаю, – сказала она, глядя на наши сплетенные руки. – Поверить не могу, что она позволила тебе уехать.

– Это все очарование «Блэкстоуна». Она считает эту школу очень престижной.

Чтобы мое бегство из дома стало возможным, я все тщательно спланировала. Я понимала, что должна сыграть на непомерных амбициях матери, подсунув ей информацию, которая потешит ее эго и победит нездоровое удовольствие, которое она получает от противостояния со мной. Только две недели спустя после моего зачисления в школу-пансион, которые тянулись мучительно долго, она *так и быть* разрешила мне туда поехать. Она не давала согласия, пока не обнаружила приглашения на собрание родителей. К приглашению прилагался пресс-релиз, где упоминалось, что сын известного дипломата учится в этом престижном заведении.

– Понятно. И теперь она может смиренно утирать слезы и твердить, как скучает по тебе, но не хочет становиться на пути к мечтам дочери, и раз это так важно для тебя, то она, как любящая мать, готова пойти на жертву. – Марин театрально всхлипнула и изобразила, что утирает слезы.

– Жуть, как похоже ты ее передразниваешь!

– Благодарю! – Марин поклонилась. – Я сейчас уделяю большое внимание актерскому мастерству. Это очень помогает созданию образов в балете. – Она помолчала. – Ты приедешь на Рождество?

Я сильнее сжала ее руку, потом отпустила. Как раз год назад, на прошлое Рождество, мы и получили безобразные шрамы. Так что это уж точно не самый любимый мой праздник.

– Ради тебя? Конечно, приеду. А еще есть электронная почта. И мобильные телефоны. Я ведь еду в школу, а не лечу на Марс.

Рождественские каникулы длятся всего две недели, и ради Марин я смогу потерпеть.

– Марин, если ты не спустишься через три минуты, то опоздаешь на занятия, – раздался снизу вкрадчивый, но полный яда голос нашей матери, от которого мороз пробирает.

Марин закатила глаза и подхватила сумку с пуантами, трико и всем остальным, что нужно для танцев.

– Как же она меня достала. Постоянно следит за мной, даже в балетную школу на машине за мной таскается.

– Марин, спускайся немедленно! Если не будешь серьезно заниматься, не сможешь стать лучшей. На свете сотни талантливых девушек! Тысячи! Конечно, я создаю для тебя все возможности, чтобы ты превзошла их, но ты должна относиться к занятиям со всей серьезностью. – Кажется, мать уже начала терять терпение.

– Ты начинаешь брать еще и дополнительные уроки балета? – спросила я.

– Больше усердия, и ты затмишь их всех, – произнесла Марин, имитируя голос и манеры нашей матери.

– Но ты и так лучше всех в вашей школе!

– Я достаточно хороша для их уровня. Но чтобы танцевать по-настоящему, я должна постоянно совершенствоваться. Так что дополнительные занятия действительно не мешают.

Она остановилась в дверях и обернулась.

– Просто не понимаю, почему я тоже не могу туда поехать. В этот ваш «Блэкстоун». Если бы ты сказала мне раньше, я бы что-нибудь придумала. Может, ты просто не хочешь, чтобы я была там с тобой?

– Я полтора года копила, чтобы оплатить обучение в этой школе. И все равно не смогла бы уехать раньше следующего года, если бы не получила стипендию. А плату за двоих я бы точно не потянула.

Я спрятала счет от матери, а затем внесла всю сумму за обучение вперед, и теперь могла не беспокоиться о том, что мои накопления внезапно исчезнут.

Сестра повесила спортивную сумку на плечо.

– Ладно. Мне, в общем, все равно. Увидимся на Рождество.

Когда я распаковала чемодан в своей новой комнате в школе-пансионе, кофточка Марин с вышитой розой была среди моих вещей. Я коснулась пальцами ленточек, убеждая себя, что у сестры все будет хорошо, что я поступила так, как должна была поступить.

Я не приехала домой ни на Рождество, ни на другие праздники. Мы с Марин ни разу даже не поговорили за следующие четыре года. И ни разу не виделись.

Глава 2

И вот спустя десять лет после моего расставания с сестрой, я снова складывала вещи, но теперь – чтобы жить вместе с ней. На этот раз я не просто собирала чемодан, но упаковывала все свое имущество для вывоза из квартиры, а Марин не сидела на моей кровати, – мы разговаривали с ней по громкой связи.

– Я выезжаю через четыре часа после тебя, – сказала она. – Давай встретимся у нашего домика в «Мелете». Если, конечно, ты не хочешь меня подождать.

– В аэропорту? Четыре часа? – спросила я, заклеивая коробку с тарелками. Большая часть моих вещей отправлялась на склад. В «Мелете» они мне не пригодятся. Все необходимое, включая тарелки, постельное белье, полотенца и прочее, предоставлялось вместе с жильем в поселении для художников, артистов и вообще людей искусства, куда мы с сестрой сейчас и направлялись.

– Ты права. Это, конечно, глупо. Встретимся сразу на месте.

– У тебя все в порядке? – спросила я. – Мне кажется, ты немного нервничаешь.

– Это не нервы. Просто эхо в твоём телефоне. Люблю тебя!

– И я тебя люблю!

На самом деле, голос Марин звучал странно. Но не потому, что раздавался из динамика в полупустой комнате. Я не могла не понимать, откуда берутся эти тревожные нотки. И я волновалась из-за того, что мы с ней опять будем жить под одной крышей, что неизбежно вызовет ужасные воспоминания. Я любила сестру, и очень скучала по ней, но трудно оставить прошлое позади, если тот, кто будит воспоминания, живет рядом.

Я запечатала последнюю коробку клейкой лентой и провела по ней ладонью, проверяя надежность упаковки. Все же славно, что мы снова будем жить вместе. У нас обеих все будет просто замечательно.

Рейсовый автобус, в который я села в крошечном аэропорту Манчестера, помчался по ухабистой дороге. Мы пересекли реку, серебристой лентой вившуюся среди зеленых холмов. Я чувствовала себя так, словно попала в волшебный мир поэзии Роберта Фроста, и приветственно кивнула, когда мы проезжали указатель, обозначающий съезд на дорогу к дому-музею поэта. Приятно знать, что знаменитая ферма Роберта Фроста находится рядом с «Мелетой». Чудесный штрих, дополняющий идиллическую картину.

– Все это слишком прекрасно, чтобы быть реальным, Марин, – сказала я, позвонив ей после того, когда она прислала мне ссылку на сайт «Мелеты».

Престижное поселение для представителей всех видов искусств. Полный пансион в течение девяти месяцев, включая жилье и питание. Личный наставник – мастер, достигший вершин в своей области, – *он также будет жить в это время в «Мелете» и курировать вашу работу.*

– Решено, я подаю заявку. Тебе тоже стоит это сделать, Имоджен. Ведь это так здорово, если мы с тобой будем жить там вместе.

– Это будет чудо, если мы туда попадем, да еще и на пару. Спорим, они получают тысячи заявлений!

– Возможно. Но ведь и мы можем оказаться в числе счастливиц, – сказала она.

– Да, ты права.

Я подготовила портфолио с примерами своих работ, написала резюме, что всегда заставляло меня чувствовать себя сочинителем пафосного манифеста, не имеющего со мной ничего общего, и отправила все это вместе с заявкой.

– Я знала, что ты это сделаешь! – сказала Марин. Она тоже подала заявку. – Знаешь, у меня хорошее предчувствие.

И оно ее не обмануло. Мы попали в число сорока стипендиатов, принятых в «Мелету». Мелета, согласно древнегреческому писателю Павсанию, была одной из трех старших муз. То были сестры Мелета (покровительница размышлений и опыта), Мнема (муза памяти) и Аэда (покровительница пения). Основатели «Мелеты» как места для творческих людей хотели, чтобы она стала центром, где молодые, подающие надежды художники, писатели, поэты и музыканты получили возможность целиком посвятить себя творчеству, не отвлекаясь на внешний мир.

Этот поселок существовал более семидесяти пяти лет – достаточно долго, чтобы появился впечатляющий список выпускников, обеспечивший колонии великолепную репутацию места, где люди искусства могли развить свой талант. Правда, общую идиллическую картину омрачали несколько скандалов, один из которых оказался настолько громким, что из-за него двери «Мелеты» едва не закрылись навсегда. Этот факт, разумеется, не упоминался в рекламных проспектах.

Все это, действительно, казалось *слишком прекрасным*, чтобы быть правдой. Надо сказать, я совершенно не поверила безупречно оформленному сайту и блестящим отзывам. Ни одно место в мире не может быть столь идеальным. Так что, я решила поискать темные пятна на сияющем лице солнца, и потратила на это немало сил. Выяснилось, что о скандале писали на удивление мало, но даже при всей скудости сведений о нем, этот, казалось бы, незначительный факт сразу бросался в глаза, так как был единственной фальшивой нотой в хоре восторженных похвал.

Что именно произошло, было не слишком понятно, остались лишь туманные намеки, ведь все это случилось лет пятьдесят назад. Кажется, это был роман ученицы и наставника, внебрачная беременность, исчезновение человека, возможно, самоубийство... Но все это лишь догадки и недомолвки: «предположительно», «по неподтвержденным данным». Читателя ненавязчиво подводили к мысли, что ничего необычного в той истории не было, подобное могло произойти где угодно, и что ни действия, ни бездействие руководства «Мелеты» никоим образом не могли повлиять на эти события. По крайней мере, под таким соусом все это подавалось в прессе. Тем не менее, после той истории в программу занятий были внесены изменения, наставники стали жить отдельно от учеников, и им разрешили привозить в «Мелету» свои семьи. В общем, можно было предположить, что слухи так или иначе были обоснованными.

Однако все, что с тех пор официально говорилось о «Мелете» отчетливо напоминало степфордскую «идиллию»². Не подкопаешься. Все, кому посчастливилось попасть туда, заявляли, что это было лучшее время их жизни, и они получили там поистине бесценный опыт. Лучшие выпускники, получая очередную престижную награду, непременно упоминали «Мелету» в благодарственных речах. От такого переизбытка славы и блеска мне было не по себе. Я чувствовала безотчетную тревогу, настолько сильную, что мое заявление – составленное, но не подписанное – так и лежало на столе.

– Имоджен, завтра последний день подачи заявок, – сказала Марин по телефону.

– Знаю, знаю. Просто... Что-то тут не так.

– Ты единственный человек из тех, кого я знаю, кто не верит, что где-то может быть по-настоящему хорошо, и ищет во всем изъяны.

– Дай мне еще немного времени. Завтра определюсь.

– Ладно. Может, получишь какой-нибудь знак во сне. Этого хватит?

Я лишь рассмеялась и отключилась.

В эту ночь мне не приснилось ни «Мелеты», ни литературной премии, – вообще ничего, что могло бы стать предлогом для положительного ответа. Я просто сидела как на иголках до

---

² Имеется в виду роман Айры Левина и фильм Фрэнка Оза «Степфордские жены», где действие разворачивается в городке Степфорд, за благополучным фасадом которого скрывается нечто зловещее.

трех часов ночи, мучаясь от мысли, что могу потерять возможность работать под руководством любимого писателя из-за дурацкого предчувствия. В конце концов, я взяла ручку, покрутила ее в пальцах, чтобы размять мышцы, скованные шрамами, и, наконец, подписала заявку черно-красными чернилами, которые всегда использовала на удачу, затем поставила число. Теперь пути назад не было.

Несмотря на то, что Марин подала заявку раньше меня, ответ о зачислении мы получили в один день. Разговор с сестрой по телефону, когда мы поздравляли друг друга, стал одним из самых счастливых моментов моей жизни. Я так гордилась нами обеими!

Кампус «Мелеты» прятался в глухом уголке Нью-Гэмпшира – посреди леса. Но достаточно близко от Нью-Йорка, чтобы наставники и ученики могли приезжать туда, давать мастер-классы, участвовать в выставках или представлениях, просто гулять, и при этом находиться вдали от шумного города, оставаясь один на один со своим творчеством. Не зря это поселение назвали в честь музы Мелеты! Мы могли сколько угодно практиковаться, набираться опыта. При желании можно было с головой погрузиться в творчество, прервав все связи с внешним миром.

Когда мы проезжали сквозь завесу косых солнечных лучей под зеленым пологом деревьев, прорезающих небо ветвями, внешний мир отступал все дальше и дальше. Мы ехали мимо заросших старых кладбищ с ушедшими в землю надгробиями, границы которых угадывались лишь по полуразвалившимся каменным стенам, простоявшим здесь сотни зим.

– Вот мы и приехали, – сказал водитель. – Приятно вам провести время в «Мелете».

Я подхватила свой чемодан, взглянула на дом, где мне предстоит прожить следующие девять месяцев, и расхохоталась. Это был симпатичный особнячок в стиле королевы Анны, раскрашенный в цвета осени – красный, бежевый, золотистый. Выглядел он слегка безумно в своей асимметричной причудливости: стрельчатые окна, тонкие колонны, терраса, идущая вдоль фасада и левой стороны дома. Но что самое замечательное – тут была башенка. Если бы меня попросили вообразить идеальный дом для писателя, то я бы, наверное, придумала что-то такое.

Я едва заметила другие детали моего нового жилища, так как бросилась вверх по ступенькам к входной двери и оттуда сразу – по винтовой лестнице – наверх в башню. Комната наверху оказалась спальней. К тому же пока незанятой. Ключ был в двери. Повернув его, я прошла в центр комнаты и немного постояла там с закрытыми глазами, вдыхая воздух незнакомого мира.

Вдох, показавшийся вечностью, рассеял все мои сомнения, и я почувствовала себя абсолютно счастливой. Я подумала, что совершенство в этом мире возможно, что все хвалы «Мелете» справедливы, и что я попала в чудесное место, которое и в самом деле оказалось воплощением совершенства. А самое замечательное, что меня сюда привело мое писательское мастерство, оцененное по достоинству. Тогда мне представлялось, что все в моей жизни прекрасно и безоблачно.

Я расстегнула молнию на чемодане и начала распаковывать вещи. Но остановилась. Это могло подождать. Подойдя к окну, я осмотрелась. Плющ вился по стенам, его пока еще темно-зеленые листья осенью станут оранжевыми и красными. Через стекло я рассматривала другие постройки этого места, которое на какое-то время станет мне домом.

Дом...

Странное слово, если подумать. Дом, в котором я выросла, никогда не был мне настоящим *домом*, и я сбежала оттуда при первой возможности. Комнаты в общежитиях, дешевые съемные квартиры, два месяца на диване у подруги, когда с деньгами было совсем туго. Большинство этих мест были не более чем временными пристанищами. Ни одно из них даже отдаленно не напоминало настоящий *дом*. Может быть, хотя бы ненадолго, «Мелета» сможет им стать.

– Вы не подумали, что стоит подождать, пока все соберутся, прежде чем занимать комнату?

Девушка в дверном проеме была тоненькой, как веточка, с неровно подстриженной копной волос цвета фуксии. Похоже, она была зла на весь белый свет и особенно – на меня.

– Нет, – не подумала. Тем более, что заезд длится два дня, включая сегодня.

Она продолжала стоять в дверях, словно надеясь, что одним своим присутствием может заставить меня передумать. Я начала вынимать белье из чемодана, полагая, что она поймет, что разговор окончен.

– Меня зовут Иможден, – улыбнулась я. – Я писательница.

– А я Елена, поэт. У меня уже вышли два сборника. С прекрасными рецензиями в независимой прессе. Вообще-то, предполагалось, что эта комната будет моей.

Ладно, посмотрим, кто кого переупрямит.

– Извини, но я не вижу оснований для твоих претензий. Когда я пришла, комната была пуста, и ключ торчал снаружи.

В информационном буклете было указано, что резиденции закреплены за гостями, но все личные комнаты – в свободном доступе. Их занимают по принципу *кто успел*, а ключи в замках снаружи как раз и отмечают свободные помещения.

– И все равно, – настаивала Елена. – Эта комната предназначалась мне.

– Если вам кто-то это обещал, он солгал. Или, по меньшей мере, ошибся. Прочтите буклет, который вам прислали.

Она ушла, не ответив. Я покачала головой и продолжила разбирать вещи.

Башня была самым высоким местом в доме, моим личным третьим этажом. В основном обосновавшись, я спустилась вниз. На втором этаже располагались три спальни, все очень просторные, каждая с полноценной ванной комнатой. Кто бы ни проектировал дом, он явно думал о гармонии взаимоотношений между людьми, живущими здесь, не меньше, чем об эстетике – нам не придется сражаться за душ по утрам. Одна из дверей – самая дальняя от лестницы по коридору – была закрыта. Я предположила, что это комната неприветливой Елены, и обрадовалась, что она закрыта и расположена так далеко.

В этот момент отворилась входная дверь.

– Привет! Есть кто-нибудь? – произнес голос, который я так хорошо знала.

Мое сердце чуть не выскочило из груди, когда я с грохотом сбегала по лестнице, торопясь встретиться с сестрой. Марин улыбнулась, распахнула объятия, и я шагнула прямо в них. И привычно изумилась, насколько сильна сестра. Мышцы танцовщицы, каждый день бросающей вызов земному притяжению.

Она еще раз сжала мои плечи.

– Я так счастлива, что ты здесь, Иможден. Так счастлива! Нужно распаковаться. Составишь мне компанию?

– Конечно. – Я подхватила одну из ее сумок и пошла за сестрой вверх по лестнице.

– Вот эта, – сказала Марин, пройдясь по коридору и осмотрев сначала одну, а затем другую из двух незанятых комнат, выглядывая в окна. – Мне нравится вид на реку.

Я подошла к ней и посмотрела в окно на солнечные блики, пляшущие на поверхности воды.

– Насколько иначе это место выглядит отсюда! Я смотрела в окно с другой стороны дома, там река не видна. Как будто мы с тобой будем жить в разных мирах.

– Ну и что, – сказала она, открывая чемодан, – все равно впервые за все эти годы мы оказались под одной крышей, и я этому рада.

– Я тоже.

Марин принялась распаковывать чемоданы, и мне казалось, что по комнате носится вихрь. Казалось, она порождает хаос, но все разворачивалось, складывалось и повисало очень аккуратно и именно там, где она хотела.

– Ты уже осмотрелась? – спросила она.

– Мой рейс задержали, так что я добралась сюда ненамного раньше тебя. Мне хватило времени только на то, чтобы устроиться и перехватить свободную комнату у одной из наших соседок.

Марин только закатила глаза, выслушав мой рассказ.

– Может, она не понимает, каковы правила «периода свободного заезда», или она просто не умеет ладить с людьми. – Сестра застегнула чемодан и сунула его в шкаф. Теперь ее комната выглядела так, будто она всю жизнь жила здесь.

– Может быть. Или встала не с той ноги. Надеюсь, она это как-нибудь переживет. Мне не нравится идея жить девять месяцев бок о бок с кем-то, кто возненавидел меня с первого взгляда. Кстати, об умении общаться с людьми... Что слышно от нашей маман?

Марин поморщилась.

– Как всегда, в каждом письме куча гадостей под видом заботы о моем благе. Она в своем репертуаре: конечно, идея провести почти год в «Мелете» весьма заманчива, но уверена ли я, что правильно поступаю? У меня будет прекрасный наставник, но если меня не будут видеть на сцене целый год, потом обо мне никто и не вспомнит, и все такое прочее. Я написала ей, что пока мы здесь, нам запрещено поддерживать связь с внешним миром.

Я посмотрела на нее с изумлением.

– Неужели ты действительно так ответила?

– Именно так. – На ее щеке появилась ямочка, когда она улыбнулась. – Это, конечно, не означает, что она не наводит почту мерзкими письмами, но, по крайней мере, это избавляет нас от необходимости ей отвечать.

– Ты просто гений! И коварный, к тому же. Я тебя обожаю.

То, что она написала матери, не соответствовало действительности. Конечно посторонним вход в «Мелету» был запрещен, но мы могли поддерживать связь с внешним миром: переписываться, общаться с помощью мессенджеров, разговаривать по телефону. Но что касается нашей драгоценной мамочки, я вовсе не хотела поддерживать с ней отношений, и была рада, что Марин возвела между нами еще один барьер.

– Пришлось это сделать, чтобы мы остались в здравом уме. Ведь наша мамаша не была бы собой, если бы вдруг оказалась хоть чем-то довольной, и поэтому она приложит все усилия, чтобы отравить нам существование и здесь. Когда я сказала ей, что еду сюда, единственное, что она спросила, когда я буду выступать, потому что, видите ли, она обязательно хочет при этом присутствовать. А это значит, что она непременно закатит сцену. Помнишь, что случилось на премьере «Лебединого озера»?

– Как я могу это забыть? Это была, наверное, одна из самых вопиющих ее выходок.

У нашей матери был пунктик – она не пропускала ни одного балетного спектакля, где танцевала Марин. Причем каждый раз использовала это как возможность привлечь внимание к собственной персоне. В тот вечер она упала в обморок – как она потом объяснила, от волнения, – когда Марин исполняла вариацию Одиллии. И сделала это так картинно, с таким грохотом, что спектакль пришлось прервать, и на следующий день во всех статьях, посвященных премьере, о ней было сказано больше, чем о самой Марин.

– Думаешь? Ну, по крайней мере, самая демонстративная. Поэтому можешь себе представить, какое удовольствие я получила, сообщая ей, что никто, кроме наставников и постоянных обитателей, не может быть допущен на территорию «Мелеты». – Марин потянулась, повела плечами, стряхивая последнее напряжение от долгой поездки. – Не хочешь прогуляться, посмотреть, что тут и как?

– Отличная идея.

Мы прошли по территории, не переставая удивляться странным и прекрасным вещам, окружавшим нас. Ни один домик кампуса не был похож на другой и уж точно не напоминал скучные сооружения из бетонных блоков.

– Вот этот дом похож на королевский замок из «Золушки», – сказала Марин.

Да, действительно, – настоящий замок в миниатюре, окруженный рвом, с подъемным мостом. Он даже выкрашен был в тот же оттенок голубого с блестящими искорками, что и платье Золушки в диснеевском мультфильме.

– А соседний домик как будто сошел со страниц исторического романа о России. Интересно, кто его спроектировал? – Гравий хрустел под нашими ногами, а в воздухе стоял густой медовый запах – так обычно пахнет нагретая солнцем свежая трава.

– Наверное, подающие надежды архитекторы, которые в свое время жили в «Мелете». А может, скульпторы. Здесь принято в знак благодарности оставлять свои творения. Кстати, мосты через реку тоже их рук дело. Замечательная традиция, правда? – Ее прелестное лицо озарила улыбка.

Невозможно было не улыбнуться в ответ.

– На первый взгляд, все в этом месте прекрасно.

Мы вернулись, когда солнце уже садилось, заливая все вокруг золотистым светом. И услышали голос, удивительно чистый и звонкий, вдохновенно выводящий «*O mio babbino caro*», еще до того, как увидели его обладательницу.

Девушка пела с закрытыми глазами, стоя перед крыльцом нашего дома. На первый взгляд она была точной копией Луизы Брукс³, разве что с более смуглой кожей, в обтягивающих кожаных штанах и мешковатой майке, что не мешало ей выглядеть очень стильно.

Я была потрясена красотой момента. Все слилось в единую картину – магия голоса незнакомки, волшебная природа, сама ария Лауретты из оперы Пуччини «Джанни Скикки». Я была тронута до глубины души.

– Bravo, bravo! – воскликнула Марин.

– Спасибо. Мне вдруг захотелось спеть именно здесь и сейчас. И вообще, как можно оказаться посреди всего этого и не петь во весь голос? – Она широко раскинула руки, словно пытаясь обнять всю красоту вокруг. – Меня зовут Ариэль. А вы тоже здесь живете?

– Да, – улыбнулась Марин. – Правда, мы пока этого еще не поняли. Я Марин, а это моя сестра Имоджен.

– У вас потрясающий голос, – сказала я. – Вы оперная певица?

– Да, я певица. Правда, мой голос не очень подходит для оперы, но я так люблю эту арию! От нее у меня просто сердце замирает. – Она стукнула себя кулаком в грудь. – Никак не могу поверить, что это место мне не привиделось. Понимаете, что я имею в виду? Только посмотрите на этот домик. Тут все такие?

– Соседний дом похож на замок, там даже ров есть, – сказала я.

– Что, правда? Замок со рвом?

– Именно. Я все пытаюсь подбить Имоджен пошалить немного и поиграть в осаду замка. Или искупаться гольшом. Пока не решили, что лучше, – сказала Марин.

– Конечно же, осада, – сказала Ариэль. – Думаю, желающих искупаться во рву гольшом много, но мы же не хотим ходить проторенными путями!

– Мне нравится твой образ мыслей, – сказала Марин, подтолкнув девушку плечом. Сестре всегда было легче общаться с незнакомыми людьми, чем мне.

---

³ Луиза Брукс (Louise Brooks; 1906–1985) – американская танцовщица, модель, культовая актриса немого кино, секс-символ «века джаза», введшая в моду стрижку «короткое каре с челкой».

– А над чем вы собираетесь тут работать? – спросила я. Одной из особенностей «Мелеты» было то, что ее обитателей ни к чему не принуждали. Танцовщиков и певцов не заставляли выступать, демонстрируя достижения, от поэтов и писателей не требовали представить на суд наставников свои произведения перед тем, как они уедут из кампуса. Можно было поступить сюда и просто болтаться без дела все девять месяцев – или, как было сказано в официальных материалах, использовать это время «для глубоких размышлений о природе искусства». Тем не менее, существовала неписаная традиция, согласно которой обитатели «Мелеты» начинали здесь работу над какими-нибудь крупными амбициозными проектами, которые становились вехами в их творчестве и началом череды выдающихся произведений.

– Я пишу рок-оперу о Жанне д'Арк. И сама буду исполнять роль Жанны.

Я задумалась, взвешивая идею.

– Отлично придумано. Жанна одна из немногих исторических личностей, которые не будут восприниматься странно в качестве героев рок-оперы, ей это подходит.

– Мне даже подступиться страшно, – призналась Ариэль. – Но именно так я и выбираю проекты, над которыми стоит работать. Если от одной мысли у меня скручивает живот и начинает тошнить, это верный признак, что это именно та идея, которой стоит заняться.

– А мне здесь почему-то немного страшно, – сказала Марин.

Это было неожиданно. Впервые я слышала, чтобы Марин не захлебывалась от восторга, говоря о «Мелете». Она ни разу не выказала ни тени сомнений, когда мы обсуждали, стоит ли посылать туда заявки, и не было ни малейшего намека, что пребывание здесь не является пределом ее мечтаний.

– Неужели? – удивилась Ариэль.

– Оставить труппу на год само по себе безумие. Так никто в балетном мире не поступает. Нет никакой гарантии, что, когда я вернусь, меня примут обратно. – Марин нервно чертила ногой полукруг.

– В таком случае, зачем ты вообще сюда приехала? – спросила Ариэль. Я была рада, что этот вопрос задала именно она, и мне не пришлось делать этого. Если для постороннего человека такой вопрос был закономерен, то мне было стыдно не знать о сомнениях и проблемах родной сестры.

– Чтобы совершенствовать мастерство танца под руководством Гэвина Делакура. Надеюсь, что работа с ним послужит толчком для моей карьеры, и мне не придется возвращаться в старую труппу, потому что я стану действительно выдающейся балериной. – Она пожала плечами. – В общем, по тем же причинам, что и другие – достичь таких высот мастерства, что все остальное не будет иметь значения.

– Ты права, – сказала Ариэль. – А как насчет тебя, Имоджен?

Я уклонилась от ответа, отделавшись общими фразами. Я не любила говорить о своем творчестве, так как мне казалось, что сказанные слова могут нарушить гармонию невоплощенного пока замысла.

– Ну... Хочу сделать нечто такое... Что, как ты сказала, пугает меня настолько, что понимаешь, именно над этим и следует работать. У меня такое чувство, что время, проведенное здесь, стоит использовать, чтобы начать какой-то действительно серьезный проект. Такой, о каком я и помыслить бы не могла где-то еще.

Ариэль кивнула.

– И я! Среди ежедневной рутины я бы просто не смогла выкроить время, чтобы всерьез задуматься о рок-опере.

– Вот именно, – улыбнулась я.

Все это время я с беспокойством наблюдала за Марин, которая вовсе не выкроила время для занятий, приехав в «Мелету», а, скорее, пожертвовала им. Я спрашивала себя, что такого

могло случиться, чтобы заставить ее рисковать своей безопасностью? Или, может, по какой-то причине безопасность перестала иметь для нее значение?

– Ну, ладно, девочки! Я не прочь и всю ночь проболтать с вами обо всем этом, но я даже не начала распаковывать вещи, – сказала Ариэль. – А пора бы уже.

– Я тоже еще не все распаковала, – кивнула я. – А ведь я приехала раньше вас.

– Думаю, скоро мы сможем болтать о том, как идут дела, и ночами, – сказала Марин. – Ведь мы собрались здесь и ради этого тоже, правда?

Довольные намеченными планами, мы разошлись по комнатам. Поднимаясь по лестнице, я взглянула на дверь комнаты Елены и отметила, что она плотно закрыта. Странная девица, видимо, решила отгородиться от остальных.

Поднявшись в башенку, я распахнула окна, впустив в комнату воздух наступавшей ночи. Ночь давно стала моим любимым временем. Под покровом ночи легче писать. Записывать невероятные истории. И нет рядом никого, кто нарушил бы тишину суждениями о достоинствах и недостатках моих текстов. Ночь всегда располагала к предельной откровенности, когда казалось, что можно безбоязненно открывать самые мрачные тайны, признаваться в самых сокровенных желаниях.

Сидя в полном одиночестве за столом в сгущающихся сумерках, я открыла блокнот.

Хотя раньше я сама себе не признавалась, теперь я точно знала, что именно собираюсь написать в «Мелете». Это будет роман, состоящий из отдельных историй, а точнее сказок, сюжеты которых переплетаются и дополняют друг друга, о двух девушках, заблудившихся в темном лесу. О том, что этому предшествовало, и об их чудесном спасении. Или... гибели? О том, что же заставило их бежать в самую чашу ночного леса, об их жизни до этого. И о волшебных картах, которые помогли им найти выход оттуда, откуда редко кто выбирался живым. Идея подобной книги давно зрела во мне. Это будет история, которую мне необходимо поведать миру.

Я взяла ручку, потом снова положила ее на стол. Оперлась руками о столешницу и сделала несколько глубоких вдохов, вбирая воздух, полный чудесных ароматов позднего лета.

Только под покровом ночи я смогла себе признаться, что очень, очень боюсь писать эту книгу, потому что, записывая все это, могу смертельно пораниться. Так, что обнажатся кости под рассеченной плотью. Я думала, что если буду слишком долго мечтать о своем замысле, то, в конце концов, откажусь от мысли написать эту книгу. Сама себя уговорю не делать этого. Такое уже случалось. И не раз.

Гораздо проще и безопаснее было спрятаться за завесой недомолвок и недосказанности и продолжать писать в том же стиле, который мне прекрасно удавался, и в каком были написаны те отрывки, которые я отправила на суд отборочной комиссии в качестве образца моего творчества, подавая заявку в «Мелету». Это были неприятные истории о девушках с трагическим прошлым, которые не могут найти себя в настоящем и постепенно угасают. Множество метафор, тонкий налет меланхолии. Из-под моего пера выходили затейливые рассказы, заставляющие плакать читателей, из которых редко кто понимал, что они оплакивают героинь, о которых почти ничего не знают.

Такие истории было легко писать, но они были далеки от того, что мне действительно хотелось рассказать.

Я больше не хотела идти этим путем. Я приехала в «Мелету», чтобы узнать, до какой степени откровенности смогу дойти, если отброшу все наносное, ненужное, и целиком посвящу себя писательскому труду. Понять, смогу ли я, как выразилась Марин, *«достичь таких высот мастерства, что все остальное не будет иметь значения»*.

Я пошевелила пальцами, чтобы размять кисть со следами ожога и унять боль, и снова взялась за ручку.

Сетуя на собственные горести, вы порой говорите себе, что есть на свете люди, которым приходится гораздо хуже, чем вам, и, конечно, таких людей вам не придется долго искать. Ведь если вы пережили насилие и унижения и уцелели, то и другие на это способны. Как это ни ужасно, но вы находите утешение в мысли о том, что даже если вам приходилось голодать, вы все же не оставались совсем без пищи. Вам отвешивали пощечины, но не избивали до полусмерти. А если и избивали, то дело обходилось без переломанных костей. Вы вспоминаете обо всех ужасных, невысказанных вещах, которые с вами происходили, и тут же думаете о том, что могло быть еще хуже. Если вы смогли выжить один раз, то думаете, что сможете так всегда, и, следуя этой извращенной логике, вы считаете, что то, что случилось с вами, в общем, не так уж и страшно.

Ваша мать пыталась убедить вас в том, что вы полное ничтожество, и она только зря тратит на вас время, но ей так и не удалось сломить ваш дух. Пусть на вашей коже еще видны шрамы, но эти следы насилия говорят лишь о том, что вы умудрились выжить и прожить достаточно долго, чтобы эти шрамы зажили.

Может быть, вам поневоле приходилось жить тайной жизнью, спрятав поглубже то, что для вас действительно ценно. Вы никому не могли поведать своих тайн. Но не потому, что не знали нужных слов, а потому что жизнь научила вас, что слова не имеют значения. Люди скорее поверят в красивую ложь, чем в неприглядную правду. Поэтому поверят они, скорее всего, не вам. Так вы узнали силу молчания и научились хранить секреты. Может быть, вы до сих пор с опаской оглядываетесь назад, но, по крайней мере, вы уцелели и вырвались из личного ада.

В конце концов, вы начинаете думать, что если бы вы не были столь несчастны в детстве, когда ни на минуту нельзя расслабиться, когда чувствуешь, что ходишь по острию ножа, может быть, вам и не удалось бы обрести своего уникального стиля.

Если бы вас не заставляли молчать, заталкивая обратно рвущиеся наружу слова, вы никогда бы не узнали об истинной силе слова.

Это то, что вы говорите себе. Именно это приносит вам утешение, позволяет дышать, позволяет жить дальше. Именно это и означает, как в сказках, *«жить долго и счастливо»*.

Казалось, что я едва успела уснуть и тут же проснулась. В небе брезжил рассвет, а комната была полна бабочек. Они были оранжевые, красно-черные и еще такие, каких любил Владимир Набоков – с *«рядом васильково-лазоревых зерен вдоль круговой бахромы»*. Их крылышки то открывались, то закрывались, все одновременно, и, казалось, стены комнаты подрагивают в одном ритме с биением огромного невидимого сердца.

Я лежала в постели и любовалась ими, затаив дыхание. Прошло несколько минут, или, возможно, часов. Мне казалось, что я попала в таинственное святилище, существующее вне времени и пространства.

Когда я проснулась в следующий раз, бабочек в комнате не было. Я почти убедила себя, что это был на редкость яркий сон, как вдруг заметила полоску радужной пыли на листке бумаги, лежащем на столе.

Я никогда не придавала значения предзнаменованиям и приметам. Людям свойственно говорить, что от судьбы не уйдешь, но я твердо убеждена, что из любой, даже самой неразрешимой, ситуации можно найти выход. Мы сами творцы своего счастья, если направляем волю и энергию на осуществление заветной мечты. А если искать знаки, то рано или поздно вы их найдете, а будут ли они благими или дурными, зависит только от вашего восприятия. Было бы легко, если бы я того пожелала, принять крошечное синее пятнышко с радужным отливом за знак судьбы, но я не испытывала в этом потребности. Мне не нужны знамения, ведь я верю в собственные силы.

Глава 3

Марин повесила на окна шторы янтарного цвета, и теперь комната была залита теплым медовым светом. Гирлянды с красными лампочками мы ухитрились натянуть прямо под плафоном, и, запрокинув головы, полюбовались творением рук своих.

– А что, мне нравится – элегантно и уютно, – сказала я.

– А ты привезла свои звездочки? – спросила сестра.

– Конечно. – Марин сделала мне неожиданный подарок – набор светящихся в темноте звездочек, приклеивающихся к потолку, – когда переехала в первую в своей жизни съемную квартиру. Она назвала это «ответным подарком на новоселье». Так закончился четырехлетний период, в течение которого мы с ней ни словом не перемолвились, и мы снова начали общаться. С тех самых пор я украшала этими звездочками спальню во всех квартирах, в которых доводилось жить. – Из них можно складывать созвездия.

– Твои любимые мифологические персонажи теперь будут жить на потолке. – Марин с ногами забралась на постель и принялась пришивать ленты к новым пуантам. – Ты говорила, что мечтаешь об этом.

– Да, хочу разместить их так, чтобы одна история переходила в другую.

– Когда мы были детьми, ты рассказывала мне истории о звездах, – прошептала она, не отрываясь от шитья. – Когда я не могла заснуть. О двух принцессах, которые жили в звездных дворцах. Помнишь?

– И у них была звездная карусель, чтобы поворачивать небо так, как им нужно. Для странствий и приключений. – Я прижала ладонь к груди, пытаюсь унять боль, вызванную этими воспоминаниями.

– Мне так нравились твои истории. А ты никогда не думала, что стоит их записать? Не для того, чтобы продать какому-нибудь издательству, а просто, чтобы они сохранились. Я знаю, сейчас ты пишешь совсем другие вещи, но все же, хотелось бы увидеть их на бумаге. – Марин решительно отхватила ножницами нитку и принялась за другую туфельку.

– Я же сочиняла их для тебя, и не собиралась их записывать, – ответила я.

Тем не менее, я это сделала. В первый же семестр в «Блэкстоуне». Когда еще думала, что сестра хочет, чтобы я приехала домой на рождественские каникулы. Я планировала подарить ей эти истории. Но я не получила ни единой весточки от нее, и это стало началом нашей разлуки на долгие годы.

Я спрятала их подальше и оставила с остальными вещами на складе. Они не были мне нужны, но уничтожить рука не поднималась.

– Я никогда не планировала издавать их. И на здешний конкурс я подала вовсе не истории про двух звездных принцесс.

Она рассмеялась.

– Кто бы мог подумать! Просто я скучаю по ним.

– Ясно. В следующий раз, когда не сможешь уснуть, можешь прийти ко мне, и я расскажу тебе новую сказку.

Она наконец подняла взгляд от шитья и улыбнулась, а я едва не рассказала ей правду об этих историях. Не то чтобы мне было трудно признаться. Я вполне могла все ей рассказать. Но иногда так бывает, что вы храните молчание просто потому, что оно ранит меньше слов. Не стоит беречь старые раны, когда мы обе стремимся их залечить. Вместо этого я сказала:

– Хочешь, поужинаем вечером вместе?

– Хочу, но сегодня я встречаюсь с Гэвином.

Гэвин Делакур был солистом Национального театра балета. На сцене он двигался так, словно гравитация не имела над ним власти, и сам воздух был его партнером. Даже вне про-

фессиональной жизни он был настоящей звездой, его имя часто мелькало в глянцевах журналах в списках самых завидных женихов и красивейших людей мира, и постоянно ходили слухи, что именно он послужил прототипом то одного, то другого из персонажей голливудских фильмов в жанре фэнтези о магии танца.

Она сунула туфельки с пришитыми лентами в сумку.

– Нам надо составить план занятий на год.

– Ты будешь заниматься вместе с труппой Национального театра балета?

– Это мы тоже собираемся обсудить. И еще много всего. Попробуем придумать, как увязать то, что я буду делать здесь, с необходимостью заниматься с труппой. Кроме того, после «Мелеты» мне хочется пройти у них пробы на роли. Не хочу торопить события, но и на самоотек такое пускать не стоит.

Сестра закручивала волосы в аккуратный пучок на затылке.

– Марин, ты именно это имела в виду, когда сказала, что тебя пугает приезд сюда?

Она села, и я поняла, что разговор будет серьезным. В детстве моя непоседа-сестра именно в таких случаях добровольно прекращала свое *вечное движение*.

– Для меня это большой риск. Время не лучший друг танцора, а целый год вне сцены – очень большой срок. Но мне надо было вырваться из привычной колеи, и сделать это достаточно драматично. Чтобы об этом говорили, и чтобы публика обо мне не забывала, даже если я не на сцене. Мир полон возможностей, и мне недостаточно быть просто хорошей танцовщицей. Я должна быть примой! – Она перевела дыхание. – Работа с Гэвином – такая прекрасная возможность! И он сам выбрал меня! Значит, думает, что на меня стоит потратить время.

– И что ты талантлива, – добавила я.

– Надеюсь. Но его техника! У Гэвина настоящий дар! Каждое его движение фантастически точно. Мне этого пока не хватает. Но если я смогу достичь такого же мастерства, – она была полна решимости, – если у меня получится, я буду не просто хорошей балериной. Я буду великой балериной! – Она помолчала несколько секунд. – Понимаешь, если мне повезет, преимущества перевесят риск. Но даже думать не хочу, что будет, если удача от меня отвернется. Это слишком пугающе. Ну вот. А теперь мне пора идти в студию.

Я бросила взгляд на телефон.

– Не уверена, что застанешь меня здесь, когда вернешься. У меня первая встреча с Бет немного позднее. Но, Марин, если тебе что-нибудь понадобится...

– Знаю, – прервала она меня. – Ведь именно поэтому мы здесь вместе, правда?

* * *

Мы с Ариэль сражались с ее огромным чемоданом, пытаясь втащить его по лестнице в ее комнату. Это был самый настоящий винтажный пароходный кофр, перетянутый кожаными ремнями, с углами, обитыми медью, который достался ей в наследство от прапрабабушки. Поэтому она и привезла в нем свои вещи в «Мелету», хотя картонные коробки гораздо удобнее. Сундук, без сомнения, был красив, но даже без вещей весил немало, и мы напрочь застряли на лестнице, не дотащив это чудовище до второго этажа.

– Вы скоро закончите? Мне надо забрать ланч с кухни, – сказала Елена, стоя на площадке над нами.

– Могла бы и помочь. Тогда бы мы быстрее справились.

– Мои-то вещи все уже в комнате. И вы мне в этом нисколько не помогли, – парировала Елена.

– Ты права. Но мы сделали бы это, если бы ты попросила, – заметила я.

– Неужели? – Странно, но в ее голосе сквозило непритворное любопытство, словно мысль о том, что можно кого-то попросить о помощи, никогда не приходила ей в голову.

Ариэль разогнула спину и вытерла пот со лба.

– Иди, принеси что-нибудь. Любую вещь. И я клянусь, что буду таскать ее вверх и вниз по лестнице столько раз, сколько ты захочешь. Но потом. Если сейчас ты нам поможешь сдвинуть эту чертову хреновину с места.

Елена склонила голову к плечу.

– Ладно.

Ариэль взглянула на меня.

– И во что это я сейчас вляпалась?

Я откинула прядь волос с лица и рассмеялась.

Тем временем Елена протиснулась между стеной и сундуком, чтобы помочь нам приподнять его.

– Если ты все вытащила, зачем тащить его в комнату? Может, отнести его на склад или оставить в холле на первом этаже?

– Ну что, на счет три? – сказала я, и мы ухватились за сундук.

– Потому что с ним я чувствую себя как дома, – объяснила Ариэль, с трудом удерживая равновесие, когда нам, наконец, удалось рывком поднять застрявший кофр. – Моя прапрабабушка пела в ночном клубе, пока не вышла замуж. Она моталась по всей стране с этим сундуком! Он не дает забыть о моих корнях, и о том, кем я сама хочу стать.

– Уважительная причина, – серьезно сказала Елена.

– Рада, что ты меня понимаешь, – кивнула Ариэль.

Мы еще долго боролись с этим монстром, изо всех сил стараясь затащить его вверх по лестнице и дальше по коридору до комнаты Ариэль.

– А теперь можешь пойти принести мне мой ланч, – заявила Елена, обращаясь к Ариэль. – И не надо ничего больше таскать вверх-вниз по лестнице.

– Спасибо за помощь, – ответила Ариэль.

Елена коротко кивнула и направилась в свою комнату.

– Такое впечатление, что она воспитывалась в волчьей стае, – прошептала Ариэль, глядя ей в спину. – И еще только учится быть человеком. Тебе что-нибудь захватить, раз уж я иду на кухню отбывать наказание... то есть, за ее едой.

– Не стоит, – усмехнулась я. – Я не вредная.

Я еще раз просмотрела указания, присланные моей наставницей, Бет Эдвардс, сунула телефон в задний карман джинсов на случай, если мне придется уточнять дорогу к ее домику. Наставники жили на территории «Мелеты», но их дома стояли отдельно, поодаль от наших студий.

«Я буду жить рядом, но все же не настолько близко, чтобы заглядывать через плечо, когда вы работаете», – писала мне Бет.

По пути я видела, как ученики направляются в студии. В руках у некоторых были футляры с музыкальными инструментами, сумки с пятнами краски. Посреди всей этой суеты вдруг раздались звуки фортепьяно. Невидимый исполнитель прервал пассаж на середине музыкальной фразы, а потом снова повторил ее. Мне казалось, что я попала на съемки фильма. Все выглядело ярче, чем обычно.

Я подумала, что со временем жизнь в «Мелете» станет для меня обычной, потеряет свой сказочный налет. Меня уже не будут удивлять замки, окруженные рвами, домики, созданные по законам невозможной геометрии, как на рисунках доктора Сьюза⁴. И уже не будет ничего особенного, если мимо меня по дорожке пройдет какой-нибудь оскароносный актер и улыб-

---

⁴ Теодор Зойс Гайзель (Доктор Сьюз, Доктор Зойс, Dr. Seuss) (1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор.

нется мне, а я улыбнусь ему в ответ, даже не покраснев при этом. Но пока я буду упиваться новизной окружающего меня неизведанного мира.

На краю пустоши, лежащей за студиями, раскинулся цветущий розовый сад. Вобрав все краски позднего лета, он словно заснул под мерное жужжание пчел, наполняя воздух пьянящим ароматом.

Пройдя розарий, я сошла с дорожки и повернула налево, к бесцветному домику с двускатной крышей, столь обветшалому, словно какая-то неведомая сила выдернула его с какого-нибудь Трескового мыса⁵ и перенесла сюда, в леса Нью-Гэмпшира.

Стоя перед домом Бет Эдвардс, я испытывала странное чувство. Она получила литературную премию «Оранж»⁶ за книгу, которую начала писать в «Мелете» – роман, состоящий из нескольких историй о судьбах молодых женщин во время процесса над салемискими ведьмами. И это было только начало ее головокружительной карьеры. Теперь у нее вышло уже семь книг, и каждая из них неизменно появлялась в списке бестселлеров и номинировалась на литературные премии. Ее имя не сходило со страниц *The New Yorker* и *Vogue*. Моя наставница действительно была писателем от Бога, отличаясь великолепным и в то же время чрезвычайно легким стилем. Мне нравились лаконичность и точность ее языка и то, что она не боялась описывать самые глубокие человеческие чувства, хотя, надо признаться, при чтении порой становилось не по себе. Пожалуй, я уже довольно давно находилась под влиянием ее творчества, и, наверное, по этой причине решила, что книга, которую я буду писать здесь, тоже будет состоять из нескольких взаимосвязанных историй.

Когда она приезжала в мой колледж, чтобы представить свою новую книгу и дать автографы, я струсилась и не пошла на эту встречу, опасаясь, что при виде своего кумира не смогу произнести ничего путного и буду лишь бессвязно бормотать от смущения. Я не была уверена, что сегодня буду держаться лучше. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, руки и ноги тряслись, словно меня бил электрический ток. Я потеряла ладонь, разглаживая шрам от ожога, и с шумом втянула воздух. Пусть, если даже я и буду лепетать что-то невнятное, все же я приехала сюда именно для того, чтобы поработать с ней. Заставив себя выпрямить спину, я прошла по дорожке, вдоль которой росли мелкие лиловые цветы, и постучала в дверь.

Я понимаю, что это банальное замечание, которое автор делает при описании персонажа своей книги, но все же отмечу, что знаменитая писательница показалась мне меньше ростом, чем я ожидала – ее макушка едва доставала мне до плеча. Ее окутывал запах корицы и ванили, тянувшийся из распахнутой двери.

– Должно быть, вы Имоджен. Входите. Я приготовила рулетики с корицей. Вижу, вы все еще несколько ошеломлены. Я точно так же ощущала себя, попав сюда в первый раз в качестве стипендиата. Понадобилось две недели, чтобы я перестала ждать, что вот сейчас кто-нибудь постучит в дверь и скажет, что я попала сюда по ошибке, и мне надо убираться восвояси. Кружки в буфете справа, если хотите кофе. Чай у меня тоже есть. – Она поставила на стол рулетики с корицей, политые толстым слоем глазури.

– Спасибо, кофе, если можно. – Я достала кружку. – И я слишком взволнована, чтобы быть ошеломленной.

– Вот и отлично. Держите. – Она подвинула ко мне тарелку с рулетиками и налила чай в чашку с золотым ободком и ромашками. – Пойдемте в комнату. В этом доме мне все нравится, кроме кухонных стульев, которые внезапно складываются под вами, словно орудия пытки.

Я пошла за ней по коридору, и мы вошли в комнату, полную книг. Устроившись поудобнее, она попросила:

---

⁵ Тресковый мыс, Кейп-Код (англ. Cape Cod – «мыс трески») – полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс.

⁶ Литературная премия «Оранж» (англ. Orange Broadband Prize for Fiction) – одна из самых престижных в англоязычном мире премий за литературное произведение, написанное женщиной любой национальности на английском языке.

– Расскажите, что вы сейчас пишете.

– На самом деле, мне не хочется об этом говорить. – Слова слетели с губ, прежде чем я смогла сдержаться и выразить свое пожелание повежливее. Наверное, ей виднее, как надо спланировать работу, и мое мнение на этот счет не играет никакой роли. Я сжала вилку в руке так крепко, что на миг испугалась, что та согнется.

Бет осторожно поставила чашку на блюдце и посмотрела на меня. Между нами повисло молчание, которое тянулось довольно долго. Ну вот, и пяти минут не прошло с момента первой встречи с моим литературным кумиром, как я уже все испортила. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. А потом она сказала:

– Что ж, все правильно, все правильно! Понимаю ваше стремление защитить свое творчество. Немногие на это способны, а ведь на самом деле нет ничего – ничего – важнее!

Она снова принялась за чай.

– Расслабьтесь, Имоджен. Можете вздохнуть спокойно. Я не съем вас за откровенность. Я расслабилась, и откусила еще один кусочек рулетика. А потом еще один. И еще.

– Очень вкусно!

Бет с улыбкой кивнула.

– Обожаю вкусно поесть. Так что пришлось научиться готовить, и достичь в этом определенного мастерства, ведь я не люблю что-либо делать спустя рукава. А теперь вернемся к теме нашего разговора. Вы ведь хорошо представляете себе, над чем именно собираетесь работать в «Мелете», не так ли?

– Конечно. Я начала писать эту книгу в первую же ночь здесь. Я прекрасно представляю, что это будет, просто не хочу обсуждать свою работу, пока не приведу ее в более или менее законченный вид, чтобы не сглазить.

– Понимаю. Можете не обсуждать со мной подробностей, главное, не сидите сложа руки, и пишите. Я довольно требовательна к своим ученикам и не терплю тех, кто, оказавшись здесь, использует эту возможность, чтобы бездельничать. Приятно видеть, что не ошиблась в вас. А теперь скажите мне, что бы вы хотели получить от нашего сотрудничества за то время, что мы проведем здесь вместе? Только честно.

Я отпила из чашки.

– Мне хотелось бы знать о своих недочетах, чтобы улучшить стиль. Хотелось бы иметь возможность обсуждать мое творчество с вами, получать советы о том, как исправить огрехи, ведь иногда от них меня просто отчаяние берет. Как с этим справиться?

– Вы хотите сказать, что вас не интересует ни телефон моего литературного агента, ни хвалебный отзыв на вашу книгу?

– Нет, потому что, если я докажу, что чего-то стою, вы сами мне это предоставите без лишних просьб с моей стороны.

Еще одна пауза, а потом она расхохоталась, громко и почти неприлично.

– Вы совершенно правы. Если вы докажете, что чего-то стоите, я сама все сделаю. И тогда смогу похвастаться, что первой открыла ваш талант. Думаю, мы с вами прекрасно сработаемся, Имоджен. Давайте обсудим практическую сторону наших отношений. Как часто вы хотите встречаться со мной? – Она встала с дивана и вышла в холл.

Я принялась рассматривать книги на полках, в ожидании ее возвращения, пытаюсь разгадать ее пристрастия и источники вдохновения. Кое-какие из этих текстов можно было бы сохранить в памяти и использовать, чтобы улучшить свои. Волшебные слова, так сказать.

Она вернулась с сумкой, полной пряжи.

– Не могу сидеть сложа руки. Около года назад я научилась вязать. И теперь чувствую себя бездельницей, когда не пишу, а руки не заняты вязанием.

– Я бы предпочла встречаться с вами раз в две недели. Однако, мне не хочется показывать вам текст, пока книга не закончена. Не люблю получать замечания о незавершенной работе, да и вам не стоит тратить время на решение проблем, с которыми я сама в состоянии справиться.

– Но ведь я здесь как раз за тем, чтобы тратить время именно таким образом. Тем не менее, если вы считаете, что прямое обсуждение вашей работы нецелесообразно, мы можем поговорить на другие темы.

Бет замолчала, и какое-то время раздавалось лишь звяканье ее спиц. Пряжа была толстой, бледно-лилового цвета, но пока сложно было понять, что именно она вяжет.

– Но если вы вдруг передумаете и захотите обсудить то, что пишете, показать мне какие-то фрагменты или перенести встречу, без стеснения сообщите мне об этом, независимо от того, пожелаете ли вы встречаться реже или чаще. Я к вашим услугам хоть каждый день, если у вас на то есть желание. Ведь вы здесь, чтобы совершенствовать свой стиль, и это должно быть для вас превыше всего.

– Так и будет, благодарю вас. – Я поставила чашку на блюдце, поняв, что наше свидание подошло к концу, и безмерно радуясь, что с честью прошла это испытание.

– А теперь позвольте мне удовлетворить свое любопытство. Насколько я понимаю, ваша сестра тоже здесь?

Я откинулась на спинку дивана, чувствуя спиной каждый шов его подушек.

– Да, это так. Мы поселились в одном домике, и это просто замечательно. Между прочим, это была идея Марин подать заявку сюда. Если бы не она, меня бы здесь не было.

Позвякивание спиц напоминало стук клавиш пишущей машинки.

– Не припомню, чтобы у нас тут одновременно обитали братья или сестры. Это что-то новенькое в нашей размеренной жизни. Скажите, как могут двое творческих людей ужиться в одной семье? Разве между вами не возникает напряжения? Ну, понимаете – профессиональная зависть, соперничество, которое нередко случается между сестрами?

– Наш отец умер, когда мы были совсем маленькими. В детстве мы большую часть времени проводили вдвоем. Мне и в голову никогда не приходило воспринимать Марин как соперницу или кого-то, с кем я должна соревноваться.

Но я-то знала, что наша мать была иного мнения. Иметь дочь балерину означало для нее возможность греться в лучах ее славы, и она мертвой хваткой в эту возможность вцепилась. Она просто упивалась аплодисментами, которые неизменно сопровождали выступления Марин, и убеждала себя, что в ее успехе есть и ее заслуга. Что же касается дочери, обладающей писательским даром, то тут была опасность, что она сумеет осветить темные уголки жизни, которые лучше было бы скрыть от чужих глаз, чтобы никто не увидел затаившихся там чудовищ. И мать всеми силами старалась погасить этот свет.

Я сунула руку под бедро, чтобы скрыть шрамы.

– Мы с сестрой работаем в разных областях, поэтому маловероятно, что когда-нибудь дело дойдет до соперничества. На самом деле, я даже считаю, что нам обоим как людям искусства, идет на пользу, что рядом есть близкий человек, понимающий, что такое муки творчества. Мы сестры, и между нами не всегда все было гладко, но, даже несмотря на разногласия, в том, что касается творчества, мы всегда поддерживали друг друга.

– Вот и отлично, – кивнула Бет. – Иметь такую поддержку от того, кто знает, что это такое, жить жизнью, столь непохожей на жизнь окружающих. На свете так много людей, которые этого просто не понимают. Это одна из причин – помимо прочих, – почему я так люблю снова и снова приезжать сюда, – возможность работать с теми, кто способен это понять. – Мы немного помолчали.

– Ну что ж, если у вас больше нет вопросов, я, пожалуй, отпущу вас, ведь вам еще надо обустроиваться на новом месте и, конечно же, приступать к работе. Я рада сотрудничать с вами, Имоджен.

– Я тоже очень рада этой возможности.

Я шла к своему домику, испытывая огромное облегчение и в то же время окрыленная тем, как успешно прошла наша с Бет первая встреча.

Легкий ветерок покачивал кусты роз, мимо которых я уже проходила, и стебли, увенчанные тяжелыми головками цветов, изгибались, словно руки танцовщиц. За ними тянулись, причудливо извиваясь, длинные послеполуденные тени. Станный танец лепестков, листьев и шипов, игра света и тени, пьянящее благоухание. Не удержавшись, я сошла с дорожки и ступила в царство роз.

Неожиданно резкий порыв ветра сорвал лепестки с цветов, закручивая их в темно-красный, почти черный вихрь. В этот момент все звуки «Мелеты» вдруг смолкли, я почувствовала приступ тошноты и покачулась. Возникло чувство, что меня пытаются вывернуть наизнанку.

В центре странного вихря стояла женщина, тонкая и длинноволосая, в платье, словно сшитом из лепестков роз, и на мгновение мне показалось, что глаза у нее полностью черные, без белков.

Затем на лицо ее упали солнечные блики и иллюзия исчезла. Смерч из розовых лепестков исчез так же неожиданно, как и появился, и в ушах снова зазвучали звуки окружающего мира. Женщина улыбнулась мне, складки ее длинного красного платья колыхались на ветру. Я помахала ей рукой и вернулась на тропинку.

Виной всему нервное напряжение, думала я. Просто я так волновалась перед встречей с Бет, что, в результате, испытав облегчение от удачного исхода, впала в эйфорию, и у меня разыгралось воображение. Розовый сад, оставшийся за моей спиной, был всего лишь розовым садом, благоухающим островком красоты в лучах послеполуденного солнца, за которым ухаживала женщина в летнем красном платье. Не более того.

На третий вечер нашего пребывания в «Мелете» я вошла в кухню, чтобы забрать свой ужин, и увидела, что Марин и Ариэль уже сидели там.

– Не хочешь к нам присоединиться? – спросила Ариэль, ставя на стол еще один стакан.

– Спасибо. – Я поставила свой ужин в ланч-боксе на стол рядом с двумя другими. Двумя! Вот черт.

– Пойду-ка я наверх, приглашу Елену. Может, она тоже захочет с нами поужинать.

– Да ну ее, она же ужасно неприятная особа.

– Точно. Агрессивная и грубая. Дикая какая-то, словно выросла среди хищников, и не знает, что значит быть человеком, – добавила Марин.

– Ну, она, возможно, откажется. Но мне все-таки кажется, правильнее будет ее пригласить. Вот и посмотрим, насколько она ужасна, – сказала я, а про себя подумала, что возможно, мне повезло даже больше, чем я думала, в том, что не живу с ними на одном этаже.

Ариэль вздохнула.

– Ох, уж эти католики с их извечным чувством вины. Все с тобой понятно.

Я постучала в дверь Елены, немного подождала и постучала еще раз. Уже испытывая облегчение от того, что не придется разгрести последствия своего благодушия, я повернулась, чтобы уйти.

– Чего тебе? – Елена стояла на пороге за слегка приоткрытой дверью.

– Мы решили поужинать вместе. Не хочешь присоединиться?

Сузив глаза, она молча стояла и покусывала нижнюю губу.

– Ну, если ты занята, – то есть, одичала вконец, добавила я про себя, – то это необязательно.

– Ну, хорошо. – Она пулей выскочила из двери и тут же ее за собой захлопнула. – Мы ведь должны общаться друг с другом, как творческие люди, раз уж мы здесь, верно?

С этим не поспоришь.

На лицах Марин и Ариэль появилось неприкрытое удивление, когда они увидели, что Елена соизволила к нам присоединиться, но они быстро справились с собой и усадили ее за стол. Ариэль разлила вино, а потом подняла свой стакан.

– За нас и за наше творчество!

Она произнесла это с таким неподдельным пафосом, что у меня не возникло ни малейшего сомнения в искренности этих слов – как ни странно, ей действительно удалось создать торжественную атмосферу праздника. Мы с Марин чокнулись, и через секунду Елена тоже к нам присоединилась.

Только милые мелочи могут растопить лед недоверия. Елена и Марин терпеть не могли жареный красный перец и вынули его из салата. Ариэль тут же принялась таскать его с их тарелок – оказывается, она его просто обожала. Нам с ней приходилось работать бариста, и мы обе, как выяснилось, презирали людей, которые имели глупость заказывать кофе без кофеина, с обезжиренным молоком и без пены, причем делали это столь многозначительно, словно принадлежали к касте избранных.

– И в чем тут фишка? Ведь они исключают все, что в кофе есть прекрасного. – Ариэль тряхнула головой. Я отметила, что Елена, как и мы с сестрой, тоже не горела желанием рассказывать о своем детстве. Постепенно обстановка становилась все непринужденнее, и мы уже не старались взвешивать каждое слово. А потом вдруг Елена, покачивая стакан, задумчиво спросила:

– Скажите, чем вы готовы пожертвовать ради гарантированного успеха?

– Какой успех ты имеешь в виду, – спросила Ариэль. – Типа, выпустить один хит всех времен и народов, и почивать на лаврах, проживая щедрые роялти, или стать кем-то вроде Бейонсе – завоевать мир и побить все рекорды популярности.

– Разумеется, второй вариант. Все, что душе угодно. Осуществление всех мечтаний, даже тех, в которых сама себе не признаешься.

– Ну, нет. Душу дьяволу я не продам! Но, пожалуй, могу предложить ему моего младшего братца. – Ариэль расплылась в улыбке, давая понять, что и на это она вряд ли пойдет.

– Если бы можно было продавать души других людей, я, ни на секунду не задумываясь, предложила бы душу нашей мамы, – заявила Марин. – Правда, полагаю, это не засчиталось бы за жертву, учитывая, насколько ужасна наша дорогая мамочка.

– Что, она, правда, такая ужасная? – переспросила Ариэль.

– Ты даже представить себе не можешь, насколько, – поморщилась Марин, убирая руку с рубцами от ожогов под стол. Они были уже едва видны, даже если знать, где искать, но от старой привычки не так легко избавиться.

– Мы росли, словно в аду, – добавила я, и почувствовала, как моя рука тоже заныла.

– Что-то я в этом сомневаюсь, – сказала Елена с каменным лицом. – Но даже если это и так, на что вы обе готовы, чтобы доказать ей, что способны добиться успеха? Ради этого многим можно пожертвовать, правда?

Первым и самым напрашивающимся ответом было бы сказать, что я согласилась бы остаться дома. Прожить еще пару лет с матерью в том аду, в который она превратила нашу жизнь. Но я не могла произнести эти слова в присутствии Марин, чтобы она, не дай бог, не подумала, что сама являлась частью этого ада, а не утешением, которое помогало мне переносить весь этот кошмар.

– Сдается мне, Елена, что ты вот-вот попросишь меня начертать мое имя кровью на перекрестке четырех дорог. А как насчет тебя самой? Что ты готова отдать за то, чтобы достичь небывалых высот в поэзии?

– Все, что угодно. Абсолютно все. Чего бы мне это ни стоило.

Легко так говорить, подумала я, когда ты уверен, что в действительности тебе никто не предложит продать душу, что в реальном мире эта сделка просто невозможна. Но глядя в полное решимости лицо Елены, я поверила в искренность ее слов.

– Если бы все было так легко, – задумчиво произнесла Марин. – Никаких окровавленных ног, никакой боли в мышцах. Ни унижительных проб, где на тебя упорно не обращают внимания, потому что ты, видите ли, по каким-то параметрам не подходишь для этой роли, что бы там ни имелось в виду. Ни бесконечных часов репетиций, пропущенных из-за травмы. По сравнению со всем этим, продать душу кажется мне слишком простым решением.

– Рада, что моя единственная перспектива – это вкалывать до усрачки, как обычно, так что не суждено мне узнать, чем я готова пожертвовать ради успеха, – заметила Ариэль. – Впрочем, пофантазировать на эту тему – прекрасный способ узнать что-нибудь нелицеприятное о самой себе.

– Я что-то совсем вас всех не понимаю, – сказала Елена. – Если для вас успех действительно важен, вы просто говорите «да» и соглашаетесь на условия сделки. Без оглядки. А если вы к этому не готовы, то что вы вообще тут делаете? – Она поставила свои тарелки в буфет и пошла вверх по лестнице. А потом мы услышали, как хлопнула ее дверь.

– Как ни странно, ужин прошел лучше, чем я ожидала, – сказала Ариэль, разливая остатки вина.

– А ты ведь так и не ответила на ее вопрос, Имоджен, – заметила Марин, убирая посуду со стола.

– Знаю. – На самом деле, я просто боялась. Боялась, что отвечу, как Елена: «Все, что угодно».

Глава 4

Всю прошлую ночь шел проливной дождь. Это была настоящая гроза, какие часто случаются в конце лета. С ливнем и порывистым ветром. Утренний воздух, насыщенный влагой, был густым, как суп. Я сидела на веранде с чашкой кофе, когда ко мне подошла Марин и присела рядом.

– Хорошо спала? – спросила я. Наша мать ненавидела грозу и обычно в таких случаях надевала шумоизолирующие наушники и напивалась до полного забытья. В детстве я знала, что в такие ночи мне не грозит опасность, и всегда с нетерпением ждала гроз. Но Марин пугали завывания ветра и раскаты грома, и она частенько забиралась ко мне в постель в такую непогоду.

– Не очень. Но не гроза беспокоила меня, а странные сны. – Она сторбилась над чашкой, вдыхая запах кофе.

– Странные?

– Я слышала женские голоса. Женщины пели без слов, словно подпевая грозе. А потом я очнулась, и мне показалось, что стоит выглянуть в окно, и я увижу их там, возможно, плещущимися в реке.

Я прижалась спиной к гладкому дереву перил.

– Ничего себе! Ты случайно не репетируешь партию Жизели? – Это был один из самых жутких балетов, которые я когда-либо видела. Представьте себе – кладбищенский двор, полный жаждущих мести виллис, женщин, умерших от несчастной любви, которые встали из могил, чтобы до смерти закружить в танце неверных возлюбленных. Тем не менее, я обожала этот балет, но именно он во время грозы мог навевать впечатлительной девушке мысли о духах и призраках.

– Нет, хотя это хорошая идея. Партия Мирты – повелительницы виллис, может стать очень выигрышной для меня. – Марин отпила кофе. – Ты, правда, ничего не слышала?

– Слышала, Марин. Слышала обычные звуки грозы. Действительно, можно принять свист ветра в лесу за женские голоса. Но это никакие не призраки.

– Значит, все-таки слышала, – упорно настаивала она.

Я поставила кружку на перила.

– С тобой все в порядке? Может, что-то еще случилось?

Она допила кофе и поморщилась.

– Какой горький кофе. Нет, я уверена, что ты права. Это всего лишь гроза, а я просто не привыкла к ее звукам в незнакомом месте. Все хорошо.

Она встала и передернула плечами, словно стряхивая наваждение.

– Увидимся позже?

– Встреча назначена на четыре или половину пятого? – спросила я. Мы должны были встретиться с Гэвином в баре.

– На четыре, если тебе удобно.

– Вполне. Тогда и встретимся.

Этот бар был одним из самых примечательных мест «Мелеты». Там подавали бургеры и салаты, причем в основном не вегетарианские. Место, куда можно было быстро сбегать за картофелем фри, благо бар был неподалеку от домиков учеников. Он располагался в здании из старых дымчатого цвета бревен, с оштукатуренными стенами внутри. На одной из них были изображены расплавленные часы, лес из механических деревьев и табун огненных коней – сюрреалистический плод буйной фантазии одного из художников, почтивших «Мелету» своим присутствием. Бар назывался «Там». Поэтому часто можно было слышать: «Не хочешь пойти

«Туда» выпить?» Надо сказать, в «Мелете» очень ответственно относились к питанию обитателей. Еда была превосходной и разнообразной, в меню учитывались персональные пристрастия каждого, что было частью условий нашего там проживания. Так что бар «Там» был вполне подходящим местечком, где можно было с удовольствием посидеть и поболтать. Неудивительно, что мы решили встретиться именно «Там» – я, Марин и Гэвин.

Если верить слухам, еда там должна была быть вполне сносная, чего нельзя сказать об обслуживании. Официанты демонстрировали в лучшем случае безразличие. Неудивительно, что бар был почти пуст, несмотря на послеобеденные скидки, и на то, что новая смена в поселке началась лишь неделю назад. Марин сидела в дальнем углу за столиком напротив Гэвина и поглядывала на дверь, явно ожидая меня.

Решение собраться здесь втроем они принимали вместе, однако Марин казалась подозрительно смущенной, когда заговорила со мной об этом.

– Понимаешь, он заинтересовался тобой, ведь до этого никогда не случалось, чтобы братья или сестры жили здесь в одно и то же время. Ну, и конечно, я бы сама тоже очень хотела представить тебя ему. – Она опустила голову, роясь в своей балетной сумке, спрятав лицо за волосами.

– Хочешь устроить для меня смотрины? – пошутила я.

– Это всего лишь посиделки в баре. Тебе вовсе не обязательно приходить, если не хочешь.

– Все нормально, Марин. Я обязательно приду.

Мне пришлось минут пять прождать у барной стойки, пока бармен не соизволил небрежно сунуть мне бутылку черносмородинового сидра, который я заказала. Разумеется, не открыв ее и забыв про стакан. Я протянула руку, чтобы воспользоваться открывалкой, а потом с бутылкой в руке отправилась к столику. Марин представила нас с Гэвином друг другу.

– Приятно с вами познакомиться, Имоджен. Как вам «Мелета»?

– Здесь просто прекрасно, благодарю вас.

– Марин сказала, что вы начинающий писатель.

– Да. – Легкая светская беседа пока нам вполне удавалась.

Марин поднялась из-за стола.

– Боюсь, еда, которую мы заказали, уже остывает. Я сейчас вернусь.

Когда она отошла, Гэвин подался ко мне, склонившись над столом, и тихо спросил:

– Вы рады, что попали сюда? Я не хотел задавать этого вопроса при вашей сестре.

– Что вы хотите этим сказать? – Очевидно, ничего не значащая болтовня закончилась, сейчас он говорил более чем серьезно.

– Марин упоминала, что вы не слишком охотно подали заявку. Вашу сестру беспокоит, что вы приехали лишь потому, что она на этом настояла.

А ведь мне она этого не говорила.

– Верно, у меня были некоторые сомнения. Она действительно проявила настойчивость, убеждая меня подать заявку, но я никогда не сделала бы этого, если бы сама не хотела попасть сюда, поэтому я рада, что так получилось. А как вам нравится работать с моей сестрой?

– Марин блестящая танцовщица.

На какое-то мгновение, когда он смотрел, как она идет к столу с подносом, уставленным тарелками с едой, вся его наигранность слетела, и он стал самим собой – реальным человеком из плоти и крови, а не красивой картинкой в глянцевом журнале. Но в следующую секунду это впечатление исчезло, и аура неземного совершенного существа вновь окутала его словно тень.

Молчание легло между нами и теперь ленивой кошкой потягивалось, пока мы были заняты едой. Марин ерзала на стуле, ковыряя вилкой в жареной картошке, почему-то потеряв свой обычный здоровый аппетит. Гэвин то и дело поднимал глаза, чтобы украдкой взглянуть на нее каждый раз, когда отпивал свой напиток, явно используя это движение в качестве маскировки.

Тут меня вдруг осенило, что ситуация крайне щекотливая, и я присутствую в качестве дуэньи на самом странном свидании в мире. Парочка явно безумно смущалась, и, возможно, если бы меня не было, чувствовала бы себя более непринужденно без свидетелей.

– Марин, ты не знаешь, где здесь находится дамская комната? – Я схватила ее за руку и поволокла за собой, не дожидаясь ответа.

Дверь туалета за нами захлопнулась.

– У меня такое ощущение, что я здесь третий лишний. Скажи честно, ты ведь хочешь остаться с ним наедине?

– А это возможно? – вместо ответа спросила Марин. – То есть, я хочу сказать, что это вовсе не подразумевалось, когда я приглашала тебя на эту встречу. Мы просто собирались посидеть все вместе, выпить, чтобы вы с ним могли познакомиться, но потом кое-что случилось...

Я усмехнулась.

– Очаровательно. Ну, ладно. Возвращайся к нему. Мне надо сделать один очень важный звонок.

– Спасибо за понимание, Имоджен. – Она обняла меня и выскользнула из туалета.

Выждав пару минут, я подошла к столику и сказала:

– Марин, Гэвин, прошу прощения. Только что позвонила моя наставница и попросила перенести нашу встречу на более раннее время. Я обещала, что покажу ей несколько страниц текста, но еще ничего не написала. Так что мне придется покинуть вас. Надеюсь, вы меня простите.

– Было бы непростительно с моей стороны, если бы я этого не сделал, – вежливо произнес Гэвин.

– Все нормально, – улыбнулась Марин. – Иди, если надо.

– Приятно было с вами познакомиться, Гэвин.

– Взаимно, – он встал, чтобы попрощаться со мной – безупречно вежливый и бесконечно совершенный.

На пороге бара я оглянулась. Сестра и ее наставник, склонившись над столом, были полностью увлечены беседой. На таком расстоянии я не могла расслышать, о чем шел разговор, но, по крайней мере, они на это решились, а не сидели молча, стараясь не смотреть друг на друга. Потом Гэвин протянул руку и заправил выбившуюся у Марин прядку волос ей за ухо. Она робко улыбнулась в ответ. Я тоже не смогла сдержать улыбку.

Было забавно наблюдать, как один из красивейших мужчин в мире ведет себя, как простой смертный, так мило смущаясь в присутствии предмета своего обожания. Надо сказать, это открытие меня странным образом успокоило.

Так как, чтобы уйти, я сослалась на необходимость написать несколько страниц, то решила, что следует быть честной, и вернулась домой, чтобы этим и заняться. Я взяла ручку и принялась чертить каракули на листе, чтобы белый шум заглушил все мысли в моей голове, кроме истории, которую я хотела написать.

Однажды в стародавние времена...

В старых сказках часы всегда бьют полночь.

Золушка убегает с бала, когда чары заканчиваются. Красавица несется к своему Чудовищу, чтобы успеть до того, как затихнет эхо двенадцатого удара.

Пелена иллюзий спадает. Магия исчезает с полуночным звоном часов.

Ничто в мире не длится вечно, и полночь – это лишь повод остановиться на мгновение. Остановиться, чтобы вспомнить, что часы никогда не останавливаются. Времени никогда не хватает, и на каждую Красавицу, успевшую спасти Чудовище, приходится лишенная голоса Русалочка, растворяющаяся в море, превратившаяся в морскую пену.

Но полночь таит в себе и другие тайны. Это время, когда рушатся иллюзии. В каждой иллюзии есть трещина, у любого совершенства есть изъян, даже если это заметно лишь тогда, когда часы бьют полночь.

В полночь надо смотреть во все глаза, чтобы увидеть истину. Конечно, если у вас есть смелость пережить то, что вам откроется.

В какой-то момент туман развеется, зеркала разобьются на тысячи осколков и очарование волшебства исчезнет. Останется лишь та неприкрытая правда, которую несет с собой ваша история, ваше истинное желание, ваша самая страшная тайна.

Хрустальная туфелька, потерянная на ступенях дворца.

Однажды в стародавние времена...

Тик-так...

Тик-так...

Я положила на стол ручку, повела плечами, чтобы сбросить напряжение, потрясла затекшими кистями.

Безжалостное воображение рисовало вполне определенную картину. Легче представить себе, как все закончится. Конец истории всегда определен, полон драматизма, очевиден. Пара чужих кружевных трусиков, которые находит героиня, звонкая пощечина, обручальное кольцо, брошенное в лицо. Потеря чего-то невероятно важного, того, что когда-то было, а теперь исчезло.

Но начало истории всегда скрыто под сенью времени, его проявления неявны, как брошенные украдкой взгляды в темноте бара, и события развиваются неспешно. Незначительные детали, незаметные для постороннего взгляда, но в них таится все, что случится потом.

Спустя неделю я уже чувствовала себя в «Мелете» как дома. Чувство, что я знаю кампус как свои пять пальцев, возникло от того, что во время ежедневных пробежек я исследовала его вдоль и поперек, пока мои ноги не изучили каждую тропинку, каждый укромный уголок. Я, наконец, почувствовала связь с «Мелетой», узнала ее границы, очертания, и мне казалось, что она раскрыла мне свои секреты.

Я бежала в вечернем свете, свободно двигая руками, чувствуя приятное тепло в мышцах ног. Трава приминалась и распрямлялась под ногами, шум реки вторил дыханию.

Я стала заниматься бегом еще в старших классах. Хороший предлог, чтобы не оставаться дома, чтобы сбежать оттуда хотя бы на время. Даже такое подобие побега совершить было нелегко, но, все же, к счастью, возможно. Ведь, по мнению нашей матери, нет более страшного греха для женщины, чем «распуститься», а лишний вес и далекая от идеала физическая форма являются яркими признаками того, что женщина себя запустила. Мать постоянно проверяла нашу одежду, и если ее размер казался ей чересчур большим, эта одежда просто исчезала из шкафа. Нам ничего не оставалось, как быстро сбрасывать вес самыми зверскими способами до прежних размеров, или покупать новую одежду на свои деньги, но лишь для того, чтобы она исчезла при следующей материнской инспекции нашего гардероба. Поэтому, если я хотела получить хотя бы минимальную свободу, мне надо было лишь сообщить ей, что я набираю вес и хочу опять начать бегать. Мать обычно осматривала меня, прищутив глаза и приподняв скептически бровь, зашипывала складку кожи на внутренней стороне руки или в верхней части бедра, и заявляла, что мне действительно нужно повысить тонус мышц. Однако вожаделенная свобода стоила всех этих унижений.

Со временем я научилась любить бег, научилась любить движение. Мне доставляло удовольствие то, что я могу довериться крепким мышцам своих ног, что они меня не подведут, если понадобится. Бег давал ощущение силы и уверенности. Мне казалось, что если бежать достаточно долго, то можно оставить за спиной всю свою жизнь, все проблемы. Мысли растут, и не останется ничего, кроме движения.

Но как только у меня появилась возможность вырваться из материнского дома, я перестала пытаться убежать от своей жизни и просто начала получать удовольствие от самого движения. Размеренного, как стук метронома, движения рук и ног. Я бежала, чтобы почувствовать свое тело, очистить сознание, придумать, как распутать сложные сюжетные ходы. Бег был необходим мне, чтобы компенсировать все те часы, которые я проживала в воображении.

Я бежала по извилистой тропинке, вьющейся между домиками стипендиатов. Тропинка вела мимо студий и прочих построек, окружавших поселок – некоторые из них выглядели старыми и обветшалыми, как то здание, где располагался бар «Там», и очевидно пустовали, – а потом углубилась в лес. Лесной воздух был напоен терпкими ароматами зеленой листвы и хвои, прохладный ветерок осушал пот, выступающий на коже, приятно охлаждая ее. Щебетали птицы, затеяв свою вечернюю переключку, и какие-то мелкие зверьки – возможно, белки или бурундуки, носились по лесу наперегонки со мной.

Солнце клонилось к горизонту, и я, развернувшись, побежала назад, по своим же следам.

Я выбежала из темнеющего леса и направилась к поселку, где кипела жизнь. Вот домики наставников, благоухающий розовый сад, студии... У танцевальных были огромные, во всю стену, окна. При желании, их можно было задернуть шторами, чтобы сохранить уединение, но сегодня Марин не потрудилась этого сделать. Пробегая мимо, я увидела их, танцующих вдвоем – Марин и Гэвина, – и остановилась, замерев от восхищения.

Я никогда не забывала, насколько одаренной танцовщицей была Марин. Я видела, как она танцует, почти всю свою сознательную жизнь, с тех самых пор, как была способна понять, что у нее действительно выдающийся талант, что она намного превосходит всех других девочек в балетных пачках и трико, с которыми она выступала на сцене. Я была на всех ее выступлениях, смотрела записи ее танца. Но иногда осознание того, насколько она гениальна, ускользало от меня, вытесняясь другими мыслями, до того момента, как она снова напоминала мне об этом, как и в этот вечер, когда у меня перехватило дыхание от представшей передо мной картины.

Марин проносилась в воздухе, как молния, падала в руки Гэвина, и снова взлетала. Каждый изгиб рук, каждое движение ног рассказывали историю на чужом языке, которую я, тем не менее, понимала. Когда они танцевали дуэтом, становилось ясно, что Гэвин – лучший партнер из всех, с кем когда-либо приходилось работать Марин. Я могла слышать музыку, просто наблюдая, как они двигаются. Они сами были музыкой.

Натруженные мышцы свело судорогой, но зачарованная, я продолжала стоять и смотреть.

Они отрабатывали поддержку и подъем. Марин разбегалась, взмывала в воздух и летела к Гэвину, а он подхватывал ее и поднимал еще выше, держа на ладонях. Затем толчок, и она снова взлетала и вновь стремительно падала, совершая головокружительное вращение, а он ловил ее буквально в нескольких сантиметрах от пола. Это был потрясающе красивый, но опасный трюк, требующий полного доверия.

Снова и снова они повторяли эти движения, каждый раз внося в них невидимые глазу изменения. Я лишь могла заметить, что каждый раз она взлетала все выше, падала вниз все стремительнее. Сердце мое бешено колотилось от такого захватывающего зрелища.

Затем Гэвин что-то сказал и подошел к ней ближе, но сделал он это не с грациозностью танцора. Это не были движения небожителя – в них сквозили неуверенность и волнение. И хотя это не был безумный полет в воздухе, в ответных движениях Марин я увидела, как ей было страшно шагнуть в кольцо его рук. Изящество и риск, – вот что я увидела.

Когда он прижал ее к себе, а ее губы прикоснулись к его губам, я поспешно отвернулась, чтобы не смотреть.

Глава 5

Речка Морнинг⁷, которая была видна из окна Марин, несла свои быстрые, прозрачные воды по территории «Мелеты», разрезая ее пополам. Речные берега соединяли многочисленные мостики, расположенные довольно хаотично, так сказать, в художественном беспорядке, Впрочем, это можно было сказать и обо всем поселке. Я стояла на середине мостика, представляющего собой миниатюрную копию Тауэрского моста через Темзу, а чуть ниже по течению располагался венецианский мост Риальто. Складывалось впечатление, что я стояла на развороте карты, на которой самым невероятным образом смешались достопримечательности мира.

И все же меня не оставляло ощущение нереальности, некоей потусторонности мира «Мелеты». Прешлой ночью мне казалось, что кто-то за мной наблюдает, и это ощущение было столь сильным, что мне пришлось закрыть все окна и плотно задернуть шторы, и только после этого наваждение пропало. Мне даже удалось крепко уснуть, но я снова проснулась до рассвета, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд.

Но позднее утро было ясным и светлым. Солнечные лучи просачивались сквозь ветви деревьев, рассыпаясь мерцающими бликами. Я закрыла глаза и подняла лицо, подставляя его свету и теплу.

– Это мои любимые деревья.

Я обернулась на звук голоса.

– Деревья, на которые вы смотрели. Мы называем их эльфийскими кленами.

Незнакомец и сам вполне мог бы сойти за эльфа, разумеется, в его современной кинематографической версии – золотисто-рыжие волосы, скулы столь острые, что, казалось, о них можно порезаться. Для полноты эффекта на нем была майка ярко-зеленого травяного цвета. Парень улыбнулся, и я почувствовала, как по телу прокатилась жаркая волна.

– Похоже на название из волшебной сказки, – сказала я. Оно и правда звучало сказочно, поэтому я незамедлительно отправила его в архив моей памяти для дальнейшего использования, живо представив маленьких существ, строящих свои домики на ветвях деревьев, или выходящих, словно дриады, из их стволов. В тот момент все деревья казались мне живыми, а шум их листвы был подобен бесконечной протяжной песне, меняющейся каждый сезон.

– Кое-кто уже говорил мне это. – Его глаза, казалось, видят что-то далекое. – Правда, она не любила сказок. Говорила, что все в них слишком просто.

– Не во всех, – возразила я. – В изначальных сказках это совсем не так.

– В изначальных сказках? – Он повернулся ко мне, отставив ту реальность, в которую только что был погружен. – Полагаете, такие есть?

– Как посмотреть. Не думаю, что девушка, которую называли Спящей Красавицей, действительно проспала сотню лет, – пояснила я. – Но все же есть сказки, где всему назначена цена, в которых за бальными платьями и прекрасными принцами скрыто нечто более глубокое, чем кажется на первый взгляд. Нет, я не думаю, что они рассказывают о *реальных событиях*, и все же они правдивы.

– Интересно! – сказал он. – Именно об этом вы собираетесь писать здесь? – Он кивком указал на блокнот, лежащий рядом на мосту.

– Типа того. А вы тоже писатель?

– Нет. Я оставляю слова тем, кто лучше с ними справляется. – Он подошел ближе и перегнулся через перила, наблюдая за движением потока внизу. На него падали косые лучи, проникающие сквозь листья деревьев, которые он назвал эльфийскими кленами – а я бы назвала

---

⁷ Mourning (англ.) – траур, горе, печаль.

менее романтично: американскими кленами, – и из-за игры света и тени на его лице я не могла разобрать его выражение. – Я и забыл, как здесь красиво.

– Забыли? Значит, вы бывали здесь раньше? – Я подумала, что, если это так, он, наверное, один из наставников. Ученикам не позволялось проводить в «Мелете» более одного срока.

– Бывал. И только что вернулся. Эван, – протянул он ладонь.

– Имоджен. Недавно приехала. – Его рука была грубой, покрытой мозолями. Я хотела было спросить его, не скульптор ли он, но это означало бы, что я заметила, какие натруженные у него руки, а мне не хотелось его смущать.

– Ну, и как вам здесь нравится? – спросил он.

– Я просто в восторге, – улыбнулась я. – Здесь гораздо лучше, чем я ожидала. Оказалось, что я была не готова к такому великолепию, хотя это может показаться странным, ведь судя по описанию все и должно было быть прекрасно. А вы рады, что вернулись сюда?

– «Мелета», особенно эта часть леса, одно из моих любимых мест в мире. Здесь я чувствую себя как дома. Поэтому я стремлюсь возвращаться сюда снова и снова. Чудесное местечко, даже если нет такой замечательной компании, как сейчас. – Он улыбнулся, и мне показалось, что в крови у меня заиграли пузырьки шампанского.

Ветер шумел в ветвях деревьев, срывая крылатые семена клена, и они, кружась по спирали, словно крошечные вертолетики, падали в реку. По моей коже побежали мурашки, я зябко поежилась.

Эван поднял взгляд к темнеющему небу.

– Грозы быстро налетают в этих местах. Если вы не из тех, кто любит танцевать под дождем, лучше вернуться под крышу.

Ветер подхватил мои волосы, и они змеились в воздухе. Листья трепетали как серебристые рыбки в синевато-сером небе. Издалека донеслись раскаты грома.

– Может, в другой раз. Сейчас у меня неподходящая одежда.

– Как мне вас найти, когда в следующий раз разразится гроза? – с улыбкой спросил Эван. Начинался дождь, и на его рубашке уже появились пятна от тяжелых капель.

– У вас есть телефон? – Мне вдруг очень захотелось, чтобы он меня нашел.

– Не взял его с собой.

– Поступим по старинке. – Я покопалась в сумочке, нашла ручку и написала свой номер на листке блокнота. Ветер едва не выхватил бумагу, когда я протягивала ее Эвану.

– До встречи! – почти прокричал он.

Ветер усиливался. А потом небеса разверзлись, и хлынул проливной дождь. Я бросилась к дому.

* * *

Промокшая до нитки, заляпанная грязью, мечтая о горячем шоколаде и сухой одежде, я взбежала по ступенькам террасы и вошла внутрь. Я сбросила промокшие, чавкавшие при каждом шаге кеды и с трудом поборола желание выжать мокрые волосы.

– Марин? – позвала я. – Ты здесь? – Мне не хотелось замочить и заляпать все три пролета лестницы.

Раскрасневшаяся сестра выскочила из кухни.

– Что случилось?

– Я надеялась, что ты принесешь мне полотенце и сухую одежду, но если я не вовремя...

– Нет. Все нормально. – Она произносила слова отрывисто, словно с хрустом откусывала яблоко. – Я принесу. А пока ты меня ждешь, может, объяснишь Елене, что я вовсе не шлюха.

– Что ты сказала? – Марин уже бежала по лестнице, и я осталась внизу.

– Твоя сестрица трахает своего наставника. – Елена, ссутулившись, вошла в холл. – И ты тоже выглядишь отвратительно. У тебя блузка просвечивает.

– Ну и черт с ней. Рада узнать, что у меня, оказывается, есть тайная технология вызова грозы, специально, чтобы посветить лифчиком перед всем кампусом. И почему ты считаешь, что мне должно быть дело до сексуальной жизни Марин? Как и тебе, кстати.

– Ее-то уж это точно никаким боком не касается. – Марин протянула мне полотенце, штаны и майку. – Вот именно это я и пыталась ей объяснить.

Я стянула промокшую одежду и вытерлась насухо.

– Хочешь сказать, тебе все равно, чем она занимается?

Мне было далеко не все равно, но явно совсем не по тем причинам, по которым это так бесило Елену. Я уронила полотенце на пол и принялась натягивать сухую одежду. *Вот так-то лучше.*

– Мне действительно все равно, потому что Марин взрослый человек, вполне способный решать самостоятельно. И я не собираюсь париться насчет того, с кем она занимается сексом, если это делается по обоюдному согласию, и она счастлива.

– Да, по обоюдному согласию, и да, я вполне счастлива, – заявила Марин, все еще пунцовая как мак.

– Вот видишь? А, кроме того, даже если бы меня это волновало, Гэвин при встрече показался мне вполне приличным человеком. Поэтому, на самом деле, у меня нет никакого повода вмешиваться в их отношения, а уж у тебя тем более.

– Так ты с ним знакома? Кто бы сомневался. Ясно! – Было такое впечатление, что она готова плевать от отвращения. Она метнула взгляд на Марин.

– Он тебя использует, а ты полная дура, что этого не замечаешь.

– И все же не понимаю, каким образом это делает меня шлюхой? – резко оборвала ее Марин.

– Да неужели? Он ведь тебе ничего не обещал, чтобы заставить выпрыгнуть из трико. А вообще, мне на все это наплевать. В отличие от вас, некоторым приходится здесь действительно работать до седьмого пота, чтобы добиться желаемого результата. – И Елена пошла вверх по лестнице.

– Какая приятная была беседа, – заметила я. – Хочешь горячего шоколада?

После такой встряски мне еще сильнее захотелось его. В детстве горячий шоколад был любимым напитком Марин, и мы сохранили это как традицию, став взрослыми.

– Да. А я пока пойду, закину твою одежду в стиралку.

– Я могу...

– Я сама!

Я подняла руки, сдаваясь, и направилась в кухню. Я уже забыла, как вела себя Марин в стрессовых ситуациях. Она всегда принималась за уборку. Делать что-то, чтобы превратить хаос в порядок.

Когда она вернулась, молоко на плите уже закипало.

– А теперь расскажи, из-за чего весь этот сыр-бор, – попросила я.

– Здесь тонкие стены.

Я не сразу поняла, что она имеет в виду, а когда дошло, хихикнула.

– Ну, если уж ты ведешь себя как шлюха, то хорошо, по крайней мере, что секс был классным.

Повисло молчание, и я даже забеспокоилась, не перешла ли я границы, ляпнув такое. А потом Марин рассмеялась.

– Да уж, так и было, – сказала она.

Я принесла кружки и поставила их на стол.

– Так лучше?

– Намного, спасибо. Я понимаю, что найдутся люди, которые будут болтать гадости на мой счет из-за этого, но Елена... Это было слишком.

– Везде есть любители посплетничать. А послушать ее, так вы с Гэвином такие ужасные, неприятные люди, без малейших достоинств, что непонятно, как вообще кто-то может захотеть заняться с тобой или с ним сексом. Разве только получая что-то взамен.

Марин усмехнулась, потом опустила взгляд в чашку с какао.

– Не могу поверить. Я имею в виду, наши с ним отношения. Может, еще ничего серьезного и не выйдет, но он мне действительно нравится.

– Тебя это беспокоит? – спросила я. – Я имею в виду то, что он тебе нравится.

– Не думала об этом, пока Елена не устроила истерику.

– Как ты думаешь, она права, утверждая, что он использует тебя?

Она покачала головой.

– Он блестящий танцор. Более чем востребованный. Все, что я могу ему предложить, у него уже есть. Скорее, злые языки будут говорить, что это я использую его.

– Согласна, разговоров будет много, – сказала я. – И некоторые будут думать, что он злоупотребляет влиянием, которое оказывает на тебя. Ведь о скандалах болтать гораздо интереснее, и всегда найдутся люди, которые охотно поверят во всякие мерзкие домыслы. Но если ты знаешь, что это неправда, и Гэвин это знает, то на самом деле, все эти гнусные сплетни не имеют никакого значения. Просто радуйся жизни, и пусть сплетники идут куда подальше.

Марин положила голову мне на плечо.

– Спасибо тебе. Для меня так много значит, что ты поддерживаешь меня. А теперь расскажи, что ты делала под дождем?

– Флиртовала с симпатичным парнем.

Марин подняла бровь, а потом с притворно печальным видом покачала головой.

– Ну, ты и шлюха.

– Думаю, это у нас семейное, – заметила я, и мы, смеясь, чокнулись кружками с какао.

Глава 6

– Привет, Имоджен. – Ариэль постучала в полуоткрытую дверь моей комнаты. – Тебе письмо. Только посмотри, какой навороченный конверт.

– Правда? – Я оттолкнулась ладонями от стола, за которым работала.

– Держи. – Она открыла дверь и прислонилась к дверному косяку.

Марки на конверте не было, значит, письмо пришло по внутренней почте «Мелеты». Конверт был украшен рисунком мостика над рекой, окруженного деревьями. Он был сделан от руки и в некоторых местах был смазан.

– Эльфийские клены, – пробормотала я и улыбнулась.

– Так ты знаешь, от кого это письмо? – спросила Ариэль.

– Думаю, да. От парня, с которым я на днях познакомилась.

– Того самого симпатичного парня? – Она подняла насмешливо брови и забавно ими пошевелила.

Я почувствовала, как мои щеки заливают краска, быстро склонила голову, смущенная своей неожиданной реакцией, и, конечно, покраснела еще сильнее.

– Не обращай на меня внимания, – засмеялась Ариэль. – Все с тобой ясно. А теперь оставлю тебя, чтобы ты могла спокойно прочитать любовное послание.

Я просунула палец под клапан конверта и открыла его. Письмо было написано зелеными чернилами на роскошной бумаге кремово-желтого цвета, по краям листа вился растительный орнамент.

Дорогая Имоджен,

Прости, что не позвонил. Коварный ветер во время грозы похитил у меня листок с номером твоего телефона. Однако я взял на себя смелость написать это письмо, чтобы убедить тебя пойти со мной на Ночную ярмарку, которую по традиции устраивают в «Мелете».

Она состоится в эту пятницу на площади в центре кампуса. Надеюсь, что сумею туда пойти, и еще больше надеюсь, что увижусь там с тобой.

В надежде на скорую встречу,

Искренне твой,

Эван

Я не могла сдержать улыбки, складывая письмо и убирая его в верхний ящик стола. Я понятия не имела, что такое Ночная ярмарка, но была твердо намерена ее посетить.

В пятницу вечером все деревья в поселке были украшены гирляндами с разноцветными огоньками, и они мерцали, словно светлячки, на фоне темнеющего неба. Пахло жженым сахаром – очевидно, готовили попкорн с карамелью, воздух был напоен сладким запахом увядающей травы, шуршавшей под ногами. Эван ждал меня у входа.

– Имоджен! Я так рад, что ты пришла!

Он обнял меня, и объятие оказалось чуть более долгим, чем просто дружеское приветствие.

– Мне так понравилось твое письмо. Ты сам сделал этот рисунок? – Мне по-прежнему было любопытно, в каком именно виде изобразительного искусства работает мой новый знакомый.

– Нарисовал, как смог. В общем, неважно получилось. Я же все-таки скульптор, сейчас в основном работаю по металлу. Кстати, я опасался, что ты сочтешь переписку по почте странноватой.

– Я люблю получать письма на бумаге. Теперь это такая редкость. Так что для меня это все равно что получить подарок с сопроводительным письмом. А свой номер телефона я хотела тебе дать просто для того, чтобы было проще связываться друг с другом.

– Я же говорил, что не взял с собой телефон. Не хочу, чтобы меня беспокоили.

С этим было трудно поспорить.

– Тогда обменяемся телефонами в другой раз. А теперь расскажи, что такое Ночная ярмарка?

– Позволь мне показать тебе ее, – сказал он.

Мы пошли вдоль рядов торгующих, и было такое ощущение, что мы попали в гигантскую кунсткамеру. Вот ароматические масла в старинных аптекарских пузырьках, закупоренных воском, разложенные на выцветшем куске бархата цвета чайной розы. Какой-то парень с картой мира, вытатуированной на голове, как на глобусе, торговал украшениями из массивного серебра, сделанными в виде миниатюрных шхун и секстантов.

Незнакомый поэт устроил представление и теперь увлеченно импровизировал, замогильным голосом читая стихи, от которых у меня почему-то мороз пошел по коже:

Хайку, лимерик, сонет —
Дар возлюбленным своим.
Миг прошел, и слов уж нет —
Исчезают словно дым...

Эван бросил бумажную купюру в открытый пенал, стоящий у ног поэта, и поднял руку, чтобы внести свой вклад в творческий процесс:

Не нужны хвалы пустые
Красоте, что без изъяна.
Берегись, ведь есть опасность
в совершенстве первозданном.

– *Что достойно восхваленья...* – тут же подхватил поэт, но мы не стали его слушать и пошли дальше.

– Однако, странное у этого парня представление о любовной лирике, – заметила я.

– А что? Мне нравится. Беспрониженный способ привлечь внимание прекрасных дам. Возьму, пожалуй, на заметку. Сочини пару туманных метафор, добавь немного жути – вот и все, что надо.

Когда мы шли мимо рифмоплета, мне вдруг показалось, что за его спиной выросла рогатая тень, на пальцах которой явно виднелись длинные когти. А потом освещение изменилось, и иллюзия рассеялась – это была обычная тень, точно повторяющая его контуры. Тем не менее, я еще не раз оглянулась через плечо.

– Как часто проходит эта Ярмарка? – спросила я. Небо уже потемнело, разноцветные огоньки гирлянд сверкали, словно звезды. Вдоль дорожки горели костры, и мы подошли к одному из них, чтобы полакомиться сморами⁸.

Они пахли дымом, и на меня нахлынули несуществующие воспоминания о летнем отдыхе вокруг костра в детстве, которого у меня никогда не было. Мне хотелось остановить эти мгновения, запаяв их в стекло, как прекрасный цветок, чтобы сохранить навеки.

---

⁸ Смор (s'more) – американский десерт, состоящий из двух крекеров, между которыми кладут поджаренный на костре зефир маршмэллоу и кусочек шоколада. Непременный атрибут посиделок у костра в летнем детском лагере. Название происходит от слов «some more».

– Привлекательность Ночной ярмарки частично обусловлена ее таинственностью и непредсказуемостью, поэтому обычно не объявляется никакой конкретной программы, хотя дважды в год Ярмарка по традиции проводится в определенное время. Во время Хэллоуина и перед Рождеством. Но обычно ее устраивают, когда в этом есть потребность или желание ее организовать. Наверное, звучит странно, но, похоже, это единственное разумное объяснение подобной спонтанности и кажущейся случайности.

– Мне нравится эта идея, – улыбнулась я. – Ты хочешь сказать, что здесь действует некая невидимая сила, направляющая все события, и она вдруг спохватывается: «Ох, что-то наши артисты и художники заскучали. Все вымазаны краской с головы до ног и покрыты порезами от бумаги. Надо бы им встряхнуться, а поэтому давайте закатим вечеринку».

Эван весело рассмеялся.

– Очень похоже. Тем не менее, это, скажем так, хорошо организованная случайность. Перед событием распускаются слухи о том, что оно грядет, чтобы дать людям возможность подготовиться, а артисты, которые здесь выступают, всегда все знают заранее.

– Значит, бывают и выступления? – спросила я.

– Всегда кто-нибудь выступает, особенно артисты, которым нужна сцена. Получить приглашение показать свое мастерство на Ярмарке считается большой удачей. Сегодня будет выступать какая-то певица. Можем послушать, если, конечно, ты хочешь остаться.

Я улыбнулась.

– Очень хочу.

– Имоджен!

Я обернулась и увидела Марин. Они с Гэвином держались за руки. Надо сказать, он произвел на меня еще более сильное впечатление, чем тогда в темном баре. В тени деревьев, при свете мерцающих фонариков во всем его облике сквозила какая-то первозданная, дикая сила и необузданность. В тот момент я поняла, почему всегда считалось, что чарующая красота сродни магии, и таит в себе смертельную опасность.

Гэвин улыбнулся, расцеловал меня в обе щеки и чары тут же рассеялись.

– Приятно снова тебя видеть.

– А это... – начала было я.

– Мы знакомы, – сказал Эван.

– Удивлен, что ты здесь, – произнес Гэвин. Судя по его тону, он был не столько удивлен, сколько раздосадован. Я взглянула на Марин, но она лишь пожала плечами, очевидно, озадаченная не меньше меня.

– У меня просто выдалось немного свободного времени. – И видя наше недоумение, пояснил, обращаясь к нам:

– Гэвин заказал мне кое-какую работу. Но ты ведь и не ждешь, что я буквально все время буду заниматься этим.

– Мы с тобой обсуждали то, чего именно я от тебя жду. Я думал, что ты понял правила игры. – Он отчитывал Эвана так, словно тот был провинившимся ребенком.

– Поверь мне, – произнес Эван, – это невозможно забыть.

– Ну, раз уж ты все равно здесь, я, пожалуй, вас оставлю. Не хочу портить вечер. Имоджен, – Гэвин кивнул мне, обвил рукой талию Марин и увел ее прочь.

– Что это было? – спросила я.

– Очень длинная и вовсе не интересная история, – ответил Эван, пристально глядя вслед Гэвину.

Почему-то я ему не поверила. Но потом я услышала музыку, и расспрашивать Эвана о том, какая кошка пробежала между ним и Гэвином, мне расхотелось. А когда зазвучал голос Ариэль, все и вовсе ушло на второй план.

Неотразимая аура истинной звезды. Способность мгновенно захватить внимание публики. Вы не понимаете значения этих слов, пока не встретите кого-то, кто является их воплощением. Ариэль была именно такой! С первой ноты, взятой ею, никто из присутствующих уже не мог вернуться к оставленным занятиям. Казалось, все посетители Ярмарки собрались на площади, чтобы ее послушать.

Мы орали от восторга, хлопали, поддерживали певицу одобрительными возгласами. Сильный голос Ариэль возносился к небесам, и мы, казалось, летели вслед за ним. Песня была незнакомая, но было невозможно слушать ее и не начать двигаться в такт, настолько зажигательной была музыка. Я танцевала с Эваном, наслаждаясь прикосновением его рук к моей талии, и тянущее чувство в ногах явно было вызвано не только танцами.

Внезапно меня подхватила чужая рука, и, захваченная ритмом, я позволила увлечь себя от Эвана. Потом я оказалась в других руках, потом еще, и еще – и так от партнера к партнеру, меня затащило в водоворот танцующих тел. Голова моя закружилась, я почувствовала себя потерянной и одинокой. Меня охватила паника, и в тот момент музыка изменилась. Голоса Ариэль больше не было слышно. Звучало странное пение, от которого сердце мое принялось бешено колотиться и по коже побежали мурашки. Сбитая с толку, я попыталась пробраться сквозь толпу к Эвану, но среди живого лабиринта, находящегося в постоянном движении, это было едва ли возможно.

Я начала задыхаться, стараясь вырваться из цепких рук, пытающихся схватить меня, отворачивалась от лиц, выражение которых в свете звезд стало диким, даже хищным. Я никого не узнавала. В облике танцующих появилось что-то нечеловеческое – тела приобрели странную угловатость, казалось, на руках вместо ногтей выросли когти. Все вокруг покрылось шерстью или розовыми лепестками, а волосы их обратились в крылья.

Потом чья-то рука – натруженная, мозолистая рука – нашла мою ладонь, и голос Эвана произнес мне прямо в ухо:

– Вот ты где, Имоджен. Наконец-то я нашел тебя.

Я ухватилась за его руку, как за единственную связь с реальностью, закрыла глаза, отгораживаясь от происходящего вокруг, и почувствовала, будто падаю с огромной высоты, возвращаясь в собственное тело.

– Все в порядке, Имоджен, ты в безопасности.

В безопасности. Я была абсолютно уверена, что это не так.

– Ты просто их не видел. Не слышал!

Он и не мог их видеть. Если бы он видел то, что видела я, слышал эти потусторонние звуки, он не мог бы так спокойно идти рядом. Я шла, вцепившись в его руку, каждую секунду ожидая, что услышу тяжелые шаги за спиной, что снова зазвучит та дикая музыка, и на меня опять обрушится ощущение нереальности происходящего. Сердце колотилось, и взгляд никак не мог сфокусироваться.

Наконец, мы выбрались с площади, и я смогла вздохнуть спокойно. Уже не казалось, что голову сжимают тиски, но теперь на меня навалилась страшная усталость. Не было слышно никакой музыки, кроме пения Ариэль и стука складываемых киосков. Обычных киосков, которые убирала обычные люди, а не создания, покрытые шерстью, с когтями на руках. Все в поселке выглядело нормальным, обыденным. И все же я невольно вглядывалась в ночные тени, пытаюсь рассмотреть то, что, возможно, прячется в их глубине.

– Можно проводить тебя? – спросил Эван.

– Было бы неплохо, – ответила я, испытывая облегчение от того, что он предложил это сам, и мне не пришлось просить. Мы шли, по-прежнему взявшись за руки и переплетя пальцы. Тишина окутывала нас, и этого было достаточно, чтобы мне хватило сил притвориться, что все нормально.

Когда мы подошли к нашему дому, Эван пожелал мне доброй ночи.

– Хочу снова увидеться с тобой, Имоджен.

Я подняла руку и прикоснулась к его лицу, проведя большим пальцем по высоким скулам, встала на цыпочки и поцеловала его. Его губы были сладкими и темными, как шоколад в сморах. Я запустила пальцы в его волосы и прижалась к нему всем телом, словно боясь, что снова потеряюсь, стоит лишь отпустить его.

Через мгновение я отступила на шаг, все еще чувствуя вкус его губ.

– Я тоже хочу с тобой увидеться. Буду ждать от тебя письма.

На следующий день моя голова была забита мыслями о ночном приключении, чтобы я могла сосредоточиться и приняться за работу. К сожалению, воспоминания о сне наяву, когда я затерялась в толпе странных танцоров, затмевали грезы о теплых губах Эвана. Как только я расслаблялась, мне снова казалось, что меня затягивает в круговорот танца, ставшего для меня ловушкой.

Я дважды принимала душ вечером, потому что никак не могла смыть с себя жуткое ощущение прикасающихся к моей коже рук. Перед сном я надела наушники, поставив сюиты Баха для виолончели на повтор, в надежде, что они смогут изгнать странные песнопения из моей головы. Я делала все, чтобы не пускать их в себя, но мелодия намертво привязалась ко мне, и от ее звуков кровь стыла в жилах.

Я спустилась в кухню и налила себе огромную кружку кофе. Тут же, шаркая босыми ногами, вошла Елена в мужской пижаме из черного шелка.

– Доброе утро, – приветствовала ее я.

– Да, к сожалению, уже утро. – Она цапнула мою кружку со столешницы и заковыляла обратно.

Я покачала головой, налила себе вторую кружку и отправилась с ней в библиотеку, пока кто-нибудь не умыкнул и ее.

Библиотека была на втором этаже, окнами во двор. Три стены сплошь занимали полки с книгами. Там были два видавших виды кресла с подставкой для книг и длинный стол, за которым можно было работать. У четвертой стены находился старинный камин с затейливым резным орнаментом из Тюдоровских роз.

Библиотека была составлена весьма беспорядочно. Там были дешевые любовные романы в бумажных обложках попеременно с Диккенсом. На одной из полок стояли научные издания по физике, а на соседней – Роулинг и Стивен Кинг. Поэтические сборники перемежались комиксами, а с «Горменгастом»⁹ соседствовал роман Терри Пратчетта и Нила Геймана «Благие знамения», рассказывающий об ангеле и демоне, пытающихся на пару предотвратить библейский Апокалипсис.

Я искала что-нибудь вроде сборника сказок – братьев Гримм или Андерсена, нужных мне для работы. Мне хотелось понять структуру сказочных историй, прояснить, как соединяются элементы сюжета. А больше всего мне хотелось занять себя работой, чтобы в голове не звучала с такой настойчивостью странная музыка, словно намеренно изводившая меня.

– Ну, хватит, – громко произнесла я, чтобы услышать хоть какие-то нормальные звуки.

Я сняла с полки книгу Марии Татар «Сказки братьев Гримм с комментариями», решив, что буду читать их вслух, полагая, что это хоть как-то поможет мне прийти в норму.

И тут с полки упала пачка писем, спрятанная за книгой. Она была перевязана зеленой ленточкой, запечатанной воском. На оттиске восковой печати была изображена веточка какого-то растения с ягодами. Сложно было сказать, что это за растение – печать была сломана, что говорило о том, что письма были прочитаны.

---

⁹ «Горменгаст» – трилогия Мервина Пика в жанре фэнтези.

Вместо того чтобы положить их туда, где я их нашла, я села в кресло и развязала ленточку. Бумага сохранила слабый запах, напоминающий розмарин.

Дат на письмах не было. Почерк аккуратный, изящный, гораздо красивее, чем мои собственные беспорядочные каракули, но, в то же время, его нельзя было назвать старомодным, что было удивительно, учитывая стиль, которым послания были написаны. Все они были обращены к некоему Томасу, которого неизвестная женщина называла не иначе как «моя истинная любовь», и подписаны «Навеки твоя, Дж.». Казалось, что они намеренно написаны архаическим стилем.

Моя истинная любовь, Томас.

Сегодня уже год, как ты покинул меня, и я отправилась на прогулку к реке и мосту, вся в мыслях о тебе. Всей душой хочу, чтобы расстояние, разделяющее нас, исчезло, и я бы смогла быть там, где ты пребываешь теперь.

Стоит мне закрыть глаза, как я чувствую прикосновение твоих рук к моей коже.

Я сейчас пишу стихи, что делаю постоянно с того самого момента, как ты ушел. Я сижу перед зеркалом, которое ты создал для меня, и жду твоего возвращения. Я точно знаю, когда этому суждено произойти, знаю до секунды, и я буду там, чтобы встретить тебя. Ты непрестанно в моих мыслях, в моих стихах, в моем сердце. Надеюсь и верю, что я тоже живу в твоём сердце.

Навеки твоя,

Дж.

Просмотрев все письма, я задалась вопросом, а посылала ли их незнакомка своему возлюбленному. На них не было ни почтовых марок, ни штемпеля. Дж. в своих излияниях упоминала, что ее драгоценный Томас находится в каком-то совершенно недоступном месте, куда письма дойти не могут, но она сохранит их до его возвращения, чтобы он смог прочесть их, или просто принять, как дар, в знак ее любви. В знак того, что она не переставала думать о нем. Это было повествование, а не диалог, и невозможно было понять, где находился Томас и почему он не имел возможности получать письма. Ведь даже заключенным в тюрьме не запрещена переписка.

Я сложила письма, снова завязав их лентой, и пошла в кухню, захватив их с собой вместе с книгой сказок. Я все еще чувствовала себя немного странно, но, по крайней мере, из этого можно вытянуть историю. Разумеется, только после того, как выпью кофе.

Ариэль готовила себе чай с медом. На ней были мешковатые серые спортивные штаны, обрезанные по колено, и майка с изображением дуэта Dresden Dolls¹⁰. С черными кругами вокруг глаз от размазанной туши она выглядела так, словно только что очнулась после ночной оргии.

– Ты вчера пела просто потрясающе, – сказала я.

– Спасибо. – Голос ее звучал более низко и хрипло, чем обычно. – А вы были классной тусовкой. Для шоу всегда лучше, когда люди танцуют.

– Я слышала, что это большая честь, если тебя приглашают выступить здесь. Так что прими мои поздравления. – Я налила молока в кофе и передала пакет ей.

– Представь себе, весь процесс прослушивания для этого мероприятия, если это вообще можно так называть, напоминал сюжет из шпионского фильма. В один прекрасный день я обна-

---

¹⁰ The Dresden Dolls (с англ. – «Дрезденские куклы») – музыкальный дуэт из Бостона, США. Dresden Dolls черпают вдохновение как из панк-рока, так и из немецкого кабаре времен Веймарской республики, в первую очередь из произведений Бертольда Брехта и Курта Вейля.

ружила письмо на пианино в своей студии. Меня просили написать ответ и оставить его там же. На следующий день письмо исчезло. Прошло три дня, и ни ответа, ни привета.

Вчера утром Анджелика – моя наставница – прислала мне сообщение, что мою кандидатуру одобрили, и что она должна проводить меня, чтобы проверить звук перед выступлением и настроить аппаратуру. Но почему-то это было не на территории нашего поселка, а где-то в лесу, и мне пришлось там петь. При этом я не видела, кто присутствует на так называемом прослушивании. Но я совершенно уверена, что зрители там были, хотя не аплодировали, не танцевали под музыку и вообще ничем не выдавали своего присутствия. – Она провела руками по волосам, отчего те встопорщились, как иглы у ежика. – Все это так странно. Я думала, это какой-то розыгрыш. Если бы при этом не присутствовала Анджелика, я бы без раздумий ушла.

– Действительно, странно. А ты посылала им записи, демонстрационный ролик или что-то в этом роде?

– Анджелика сказала, что их вполне устраивает портфолио с моими музыкальными работами, который я приложила, посылая заявку.

– Так это ж замечательно! Еще раз поздравляю. Пришли мне, пожалуйста, ссылку, где я могу скачать твои песни. – Я взяла со стола книгу и кружку с кофе.

– Обязательно. Пришлю тебе демоверсию своей новой песни.

Я была уже на пороге, когда она снова заговорила.

– Постой, Имоджен. А ты ничего не заметила... – молчание, а потом стук пальцев по столу, – странного вчера ночью?

И снова в ушах раздались звуки жутковатой мелодии, которая ей явно не принадлежала.

– В каком смысле странного?

– Понимаешь, к концу выступления мне все время казалось, что там еще куча людей в каких-то чудных костюмах, или что-то в этом роде.

– Значит, ты их тоже видела? – Надо сказать, что я почувствовала почти облегчение.

– Я подумала, что словила глюки. Может, надышалась дыма от какой-то паленой курительной смеси. Однако версия с косплеем тоже имеет право на существование. – Она повела плечами, словно стряхивая напряжение.

– Конечно, имеет. Так же как и дым от левой курительной смеси. У меня, кстати, просто зверски болела голова. – Обе гипотезы явно не были лишены логики.

– Согласна, это два наиболее вероятных объяснения.

Я кивнула, и на этом мы замяли тему, но никто из нас не удосужился добавить, что наиболее вероятное объяснение далеко не всегда самое правильное. Это всего лишь то объяснение, в которое хочется верить ради собственного спокойствия.

Глава 7

В тот день все шло наперекосяк, поэтому я не удивилась, когда и готовка не задалась. Уже вторая порция склизких водянистых яичных белков была отправлена в раковину, и я со стуком опустила пустую миску на столешницу.

– Твою ж мать!

– Имоджен, – спросила Ариэль. – Что это ты делаешь?

– Запарываю даже такое пустяковое дело, помимо всего прочего. – Я невидящими глазами уставилась на столешницу, заляпанную остатками моих неудачных экспериментов.

– Помимо всего прочего? – Она скользнула на стул и поджала под себя ноги.

– Понимаешь, у меня один из таких дней, когда совершенно не пишется. Полный неписец. Напишу несколько строчек и сразу вижу, что все не то. И, главное, не знаю, как это можно поправить. Я могла бы еще с этим смириться, если бы так было только сегодня, но и вчерашний день, и позавчерашний тоже были на редкость неудачными. Еще и опрокинула пузырек с чернилами и забрызгала свою любимую блузку. Ногу порезала, когда брила.

– А ведь сегодня не пятница, и даже не тринадцатое, – состригла Ариэль с невозмутимым лицом.

– Вот именно. Поэтому, вместо того, чтобы сидеть у себя и дуться на весь белый свет, я решила приготовить шоколадный мусс.

– Серьезно? Ты можешь, – она повела руками в воздухе, словно волшебник, готовящийся применить магию, – сварганить это?

Я пожала плечами.

– Нет ничего проще. Как правило. Но не сегодня, когда у меня все из рук валится, как после пьянки.

Ариэль захихикала и многозначительно посмотрела на меня.

Я посмотрела на нее и тоже начала смеяться.

Мы смеялись до слез, хотя ничего настолько смешного не было сказано. Когда мы наконец пришли в себя, Ариэль поднялась со стула.

– Вот и славно. Почему бы нам и в самом деле не выпить? За нас обеих.

Она плеснула в два стакана виски и передала один мне.

– За нас, жалких неудачников.

– Как, и ты тоже? – спросила я.

– И я!

Мы чокнулись и выпили.

– Я не испортила блузку, но и музыка не пишется уже целую неделю, – объяснила Ариэль. – Меня это просто бесит. Вот я здесь, в этом замечательном престижном месте, мне предоставлена возможность заработать репутацию, а я не в состоянии ею воспользоваться. Я уверена, что не смогу здесь написать даже мало-мальски приличной песни! Может, отчасти из-за того, что необходимость быть достойной оказанного доверия слишком уж давит на психику. Ты непременно должна доказать, что заслуживаешь чести быть включенной в число избранных, приглашенных, как и ты, в «Мелету». Предполагается, что мы не должны здесь тратить время попусту, но одно дело это знать, а другое – не париться на этот счет, выбросив из головы необходимость постоянно всем доказывать, что ты чего-то стоишь, и действительно просто писать музыку.

– Я была уверена, что работать здесь будет легче, чем дома, – сказала я. – Считала, что здесь не будет ничего, что отвлекает в обычной жизни, и можно целиком и полностью сосредоточиться на работе. А вместо этого, здесь у меня возник целый букет проблем, которые меня грызут. Например, я все время думаю: а вдруг я в недостаточной степени использую возмож-

ность работать с Бет? Может, мне стоило бы затеять какой-нибудь совместный проект с ней, пока я в «Мелете». Что, если я недостаточно эффективно использую время, проводимое здесь.

– Я, конечно, неплохая певица, но что, если выяснится, что мне не стать великой?

– В общем, полный писец. – Я отодвинула стакан на край стола. – Приятно узнать, что творческие амбиции идут рука об руку с неуверенностью.

– И все же, есть в этом месте что-то странное, – вздохнула Ариэль, передвигая стаканы по столу, как при игре в наперстки, под одним из которых спрятаны наши таланты.

– Точно. Странностей здесь хоть отбавляй!

– Я о том, что в обычной жизни я давала уроки игры на фортепьяно и подрабатывала бариста, чтобы иметь возможность оплачивать квартиру. Хваталась за любую возможность поучаствовать в концертах, и была благодарна судьбе, когда удавалось собрать хоть сколько-нибудь зрителей, чтобы заплатить за газ. А здесь мы ставим галочку в анкете, чтобы отметить, чего нам хочется на обед – все эти салаты из зелени, выращенной без удобрений, или вкуснейшее ризотто с лососем, – сказала Ариэль. – Нет, я не жалуясь, но знаешь, я всегда твердила себе, что если сумею хоть чуточку преуспеть, заработать немного денег, чтобы просто не париться насчет оплаты счетов, перестать постоянно суетиться... И уж тогда-то мне точно удастся создать что-то стоящее. Что-то, действительно классное.

– И вот мы здесь, счастливейшие из счастливейших, радостно поедающие салат из зелени, выращенной без удобрений, но нас по-прежнему мучают сомнения. А вдруг мы не так хороши, как от нас ожидают? – продолжила я ее мысль.

– Так и есть. Голова моя в кои-то веки свободна от лишних забот, но вместо блестящих идей, она полна сомнений. Все, что нам говорили о «Мелете», это то, что здесь мы должны сосредоточиться на творчестве, на искусстве ради искусства, не беспокоясь ни о чем другом. Но еще никогда в жизни я не ощущала такой несвободы, словно кто-то пристально следит за тем, что и как я делаю, и от этого я чувствую себя как бы скованной по рукам и ногам.

– Такое впечатление, что здесь мы должны творить не для себя, а ради престижа «Мелеты». Все эти традиции, знаменитые люди, которые бывали здесь до нас – только посмотрите, к какому кругу я принадлежу! – но иногда в голову приходит мысль, что все эти громкие имена лишь делают список людей, которых я подвела, еще длиннее. – Я подняла пустой стакан, приветствуя входящую в кухню Елену. Она бросила на нас недобрый взгляд и включила чайник.

– К тому же, я действительно чувствую, будто кто-то наблюдает за тем, как я работаю, – призналась Ариэль. – Я имею в виду, что это, конечно, невозможно, ведь в моей студии нет окон, и все же я постоянно ощущаю на себе чей-то взгляд.

– Со мной та же история! – вздохнула я. – Но я решила, что это просто нервы разгулялись из-за груза ответственности или чувства вины за неоправданные ожидания.

Елена захлопнула дверцы буфета с такой силой, что они снова распахнулись.

– У тебя есть, что сказать подругам? – спросила Ариэль.

– Вы обе просто дуры набитые. Конечно же, за вами наблюдают. Как и за всеми нами. Делаете вид, что вам безразлично, кто из нас лучший, и думаете, что взобрались на вершину успеха, раз уж вас сюда приняли?

– Уверена, что они держат все под контролем, Елена, но, разумеется, никто в «Мелете» не заглядывает ночью ко мне в окно, когда я пишу, – сказала я.

– Я бы не была так уверена. – Она уставилась в кружку, словно пытаясь увидеть будущее.

– Елена, ты забыла, что я живу на третьем этаже?

Ариэль громко фыркнула.

– Смейтесь, сколько душе угодно, – пожалала плечами Елена. – Но если вы такие умные, то обратите внимание на эти ощущения. То, что вас приняли сюда, это только начало.

Наступил октябрь, и пришла пора яблок и янтарного сидра. Воздух, пронизанный лучами осеннего солнца, еще не был по-настоящему холодным, но бодрящим и кристально-прозрачным, как пронзительное напоминание о грядущей зиме. На деревьях бушевал пожар желтых и красных листьев, но с каждым днем все больше их опадало, и голые темные ветки четко выделялись на фоне темнеющего неба. Дни становились все короче, и, казалось, бежали один за другим все быстрее.

«Мелета» уже не вызывала у нас прежнего радостного удивления. Ведь она теперь принадлежала нам. Мы изучили все тропинки, узнали все звуки и запахи. Поселок стал нашим домом и уже не казался чем-то необыкновенным. Ощущение нереальности исчезло, и все, что поражало нас и вызывало восторженные возгласы, когда мы только приехали сюда, стало привычным. Но как только мы начали воспринимать своеобразие «Мелеты» как должное, нам тут же открылись трещины в ее совершенном фасаде, а вместе с ними появились трещины и в наших душах.

Когда вы уезжаете куда-то, чтобы побыть наедине со своим искусством, могут возникнуть проблемы. Во всем мире тогда не существует ничего, кроме вас и вашего творчества. Для некоторых людей подобное уединение становится той самой бездной, о которой говорят, что чем больше ты всматриваешься в нее, тем больше она начинает всматриваться в тебя. О таких вещах не сообщалось в рекламных материалах, но каждый год бывали случаи, когда некоторые из обитателей «Мелеты» покидали ее раньше срока. Так случилось и в нашей смене. В начале октября общину покинул один из художников.

– Я лично не была с ним знакома, – сказала мне Марин. – Но Эли, девушка, студия которой находится рядом с моей, жила в том же доме, что и этот художник, и она рассказала мне, что он, якобы, целых три дня как безумный бродил по округе, не ел, не мылся, не спал и все такое. Потом вернулся в свою комнату, сложил все свои вещи кроме красок, холстов и прочих принадлежностей, и объявил во всеуслышание, что он ничтожный человек, недостойный своей музыки.

– Своей музы? – переспросила я, потрянув головой от удивления. – Как странно.

– А вот тут начинается самое интересное, – сказала Марин, прислонясь к перилам лестницы, ведущей на террасу. Утро было в разгаре, и солнечные лучи заливали все вокруг золотым светом. – Потому что, судя по всему, эта самая его муза была не просто метафорой. Эли сказала, что какая-то женщина, по ее словам, роскошная красавица с внешностью супермодели, постоянно наносила ему визиты, причем могла заявиться в любое время дня и ночи. И у них недавно произошла ссора, причем, весьма громкая. Эли слышала, как она кричала, что его картинки не имеют для нее значения, как и он сам. И обозвала его никчемным человеком и жалкой посредственностью.

– Обалдеть! – сказала я.

– Да уж. С другой стороны, если ты уезжаешь отсюда потому только, что твоя подруга назвала тебя бездарностью, то, в любом случае, вряд ли тебе удастся сделать карьеру. Я имею в виду, как можно достичь такого уровня мастерства, что тебя приглашают в «Мелету», и при этом не научиться посылать куда подальше тех, кто в тебе сомневается? Но, может, он живет в волшебном мире, где не бывает отказов и отрицательных отзывов. – Она осуждающе покачала головой.

– Скорее, это именно второй вариант, – заметила я. – Для тех из нас, кто не завязан на прослушивания и пробы, работает по собственному графику, когда хочет, и не должен посещать репетиции и танцевальные классы, «Мелета», наверное, и есть первая возможность подумать о том, насколько они хороши. И насколько много нам всем придется трудиться, чтобы стать теми, кем мы хотим стать. В том случае, конечно, если мы вообще собираемся усердно трудиться.

Может, – продолжила я после паузы, – кто-то впервые в жизни сказал этому художнику, что он вовсе не является современным Микеланджело, а он не смог пережить критики в свой адрес. Знаешь, как это бывает – ты вдруг осознаешь, что ты не само совершенство, и вместо того, чтобы искать пути, как стать лучше, ты просто все бросаешь, потому что, видите ли, недостаточно хорош.

– Похоже, что так оно и было, – сказала Марин. – Я помню, как первый раз провалила пробы, которые мечтала пройти. Это было через пару месяцев после твоего отъезда, я участвовала в кастинге Балета Нью-Йорка. – Она поставила кружку с кофе на перила террасы, глядя на деревья вдаль. – Мне безумно хотелось, чтобы меня туда приняли.

Я ничего не знала об этой истории. В труппе Балета Нью-Йорка Марин состояла с того времени, когда уехала из дома, и до момента, когда отправилась в «Мелету». Я всегда думала, что она поступила туда с первого раза.

– И что случилось?

– Я и сейчас понятия не имею, что это была за история. Я даже задавала этот вопрос руководству театра, когда они, наконец, пригласили меня, и я уже проработала там некоторое время, но они так и не смогли – или не захотели ответить. Мне казалось, что я успешно прошла пробы, дошла до последнего тура, а потом мне вдруг заявили, что я «не совсем то, что им нужно». И больше никаких объяснений. Я тогда сгоряча чуть совсем не ушла из балета.

– Неужели? – Я совершенно не могла представить Марин, которая могла бы отказаться танцевать.

– Мне тогда казалось, что, раз уж они не хотят даже объяснить мне, в чем мои недостатки, значит, я и вовсе безнадежна. Совсем ни на что не гожусь. – Она выглядела растерянной, как будто снова услышала безжалостные слова отказа.

– И что же заставило тебя остаться?

Она сухо и горько рассмеялась.

– Наша матушка. Она же, как-никак, оплатила уроки, и сказала, что не позволит мне бросить балет, потому что я должна отработать эти деньги. А следующие пробы пришлось как раз на этот период оплаченных занятий, и я успешно прошла их. Вот так она единственный раз помогла моей карьере.

– Я получила пятьдесят три отказа, прежде чем продала свой первый рассказ.

– Правда? – Она подняла на меня изумленный взгляд.

Я кивнула.

– Пятьдесят. Три. Теперь, может, и сотня набралась бы, если бы я была настолько мазохисткой, чтобы подсчитать все.

– Ты когда-нибудь спрашивала себя, зачем мы это с собой делаем? Тратим девяносто процентов жизни, чтобы выслушивать, что недостаточно хороши? – Марин собрала волосы в пучок на затылке и подняла с пола сумку.

– Конечно! – ответила я. – Мы делаем это ради тех десяти процентов времени, когда убеждаемся, что талантливы и заслуживаем похвалы.

Я взяла пустую кружку с перил и пошла в дом, чтобы продолжить писать.

В тот же день, возвращаясь от Бет после обеда, я прогулялась по опушке леса, а потом прошла через территорию поселка мимо студий, чтобы посмотреть, там ли сейчас Марин.

Свидание с Бет было довольно напряженным. Она спросила, могу ли я показать ей несколько страниц готового текста, хотя мы договорились, что я не буду этого делать. Бет сказала, что ей нужно подтверждение того, что я работаю, и добавила, что хочет быть уверена, что я не теряю времени даром.

– А как насчет наших договоренностей, позволяющих мне сохранить тайну творчества? – спросила я. Я, конечно, закончила намеченную работу, но она же обещала не вмешиваться в этот процесс, и я ей доверяла.

– Все это, конечно, прекрасно, Имоджен, но вам также надо научиться принимать замечания и комментарии. Если хотите творить в своем замкнутом мирке без обратной связи, то необязательно было приезжать сюда. Я же не требую, чтобы вы показали мне весь написанный материал, или то, что еще на стадии набросков. Но мне все же хочется увидеть пару-тройку наиболее отшлифованных фрагментов. Я ничем не смогу помочь, если вы не покажете, над чем работаете, ведь, если вы не забыли, я здесь именно для того, чтобы помогать.

– Договорились, – кивнула я. – Я подготовлю эти куски, когда вернусь домой. – А потом ушла, резко прервав встречу. Я была готова разрыдаться, и не хотела, чтобы она видела меня плачущей. Где-то в глубине души я рассматривала ее требование как предательство, словно она вдруг решила поменять правила в самый разгар игры, а это было несправедливо.

Но я была зла и на саму себя, ведь я знала, что не права. Я прекрасно осознавала, что обратная связь является частью творческого процесса, и что Бет еще во время нашего первого свидания сказала, что не позволит мне терять время даром, пока я в «Мелете». Мы жили здесь уже шесть недель, а я еще ничего не показала из того, что написала, а значит, не воспользовалась ее опытом и мастерством. И не по какой-то достойной причине, а просто из опасения, что она скажет мне, что я недостаточно хорошо пишу, и никогда не смогу написать ничего стоящего.

Марин в студии я не обнаружила, но упорно продолжала идти в том же направлении в надежде, что, может быть, сумею найти студию Эвана. Я все еще была в слишком паршивом настроении, чтобы оставаться наедине с собой.

Здания студий располагались группами в соответствии с назначением, но все поодаль друг от друга. Большие студии со стеклянными стенами стояли отдельно от тех, которые занимали музыканты и те, кто посвятил себя изобразительному искусству. Многие из обитателей студий украсили двери или повесили знаки, говорящие о том, чем они занимаются. Марин развесила свои старые пуанты на ветвях дерева, растущего у входа в ее студию, и они покачивались на ветру, напоминая танец прозрачного кордебалета.

Бредя по извилистой тропинке, я прошла мимо домика, на дверях которого красовались палитры. Ступени крыльца другой студии покрывала стеклянная мозаика. Тропинки между ними петляли и пересекались, образуя подобие лабиринта, но известная уловка при прохождении лабиринта – всегда поворачивать только направо – в данном случае не сработала, и я поняла, что в третий раз прохожу мимо одной и той же двери. Она была покрыта гофрированной фольгой, отражающей солнечные лучи, которые яркими бликами плясали вокруг. На улице никто не работал, и мне некого было спросить, как пройти к студии Эвана. У меня даже голова разболелась от досады.

Снова поворот тропинки, и тут я увидела его, узнав по походке, по золотисто-рыжим волосам.

– Эван! – позвала я, и побежала за ним.

Но он продолжал идти, завернул за угол... И пропал. Просто исчез из виду, а передо мной была все та же дверь, обитая фольгой. Каким-то странным образом я снова оказалась перед ней.

Я тряхнула головой и сильно ущипнула себя за переносицу. Все. Домой. Выспаться, а потом выпить кофе. Все эти простые радости улучшат мое самочувствие и придадут мне мужество, необходимое для того, чтобы послать Бет написанные страницы и притвориться, что ее ответ не имеет для меня большого значения.

Не успела я принять решения, как туман в голове растаял, и я легко нашла выход из лабиринта студий. Прошла мимо пустых столиков у кафе «Там», через центральную часть поселка, обогнув компанию, игравшую в некое подобие игры в салки на музыкальный лад. Когда кого-то догоняли и осаливали, тот менялся инструментом с водившим, и в воздухе стояла веселая

какофония. Я отмахнулась от трубы, которую мне протянули, приглашая поиграть, и направилась к своему дому.

– Знаешь, произошло кое-что странное, когда я занималась в студии. – Волосы Марин были все еще влажными после душа, крепкий аромат ее лосьона, пахнувшего сиренью, смешивался с запахом эвкалиптового масла с ментолом, которым она натирала натруженные мышцы. Это невообразимое сочетание должно было бы вызывать раздражение, но, напротив, действовало успокаивающе, и казалось совершенно естественным.

– В каком смысле странное? – спросила я.

– Почти сюрреалистическое. – Она села на пол и нагнулась, делая растяжку.

Я отвернулась от письменного стола и ночных огоньков, мерцающих в окне.

– Звучит весьма интригующе. Расскажи.

– Я люблю оставлять окна студии незашторенными, когда работаю. Когда еще мне выпадет шанс танцевать среди леса, так ведь? Поэтому и сегодня вечером шторы были раздвинуты.

Я не решилась признаться ей, что знаю о ее привычке танцевать с незашторенными окнами, что видела их с Гэвином танец. Тот момент всецело принадлежал им одним.

– Я уже давно так делаю, и все происходящее за окнами воспринимаю, как привычный фон. Например, на прошлой неделе я заметила проشمывнувшую под окнами лисичку, и я уже не вздрагиваю, если мимо проскачет заяц, или будет прогуливаться какая-нибудь индейка. Кстати, ты видела индеек? Оказывается, они такие огромные.

– Я их видела на днях во время пробежки, и мне даже пришлось их обежать, потому что они действительно невероятных размеров.

– Так вот, сегодня я вдруг боковым зрением уловила какое-то движение за окном. Я остановилась и увидела, что это птицы. Целая стая птиц! Они летали взад-вперед прямо перед окном и движения их были очень слаженными.

– Звучит красиво, – заметила я.

– Это действительно было довольно красивое зрелище. Но в то же время все это было очень странно, потому что, стоило мне прекратить танцевать, чтобы посмотреть на них, они тут же скрывались в ветвях деревьев. Когда я снова начинала двигаться, они возвращались.

– Они просто хотели потанцевать с тобой, – засмеялась я.

– Знаю, что это звучит невероятно, Имоджен, но именно так мне и показалось. – Она снова сменила позу, и наклонилась вперед, переступая по полу ладонями.

– А что по этому поводу думает Гэвин?

– Его там не было. Я занимаюсь самостоятельно по крайней мере раз в неделю. Раз уж я приехала в «Мелету», чтобы побыть вдали от труппы и избежать влияния других танцовщиц, мне надо относиться к этому очень серьезно. – Она еще сильнее наклонилась вперед и почти легла на пол, застыв в этой позе. – Надо сказать, результаты превосходят все ожидания, – продолжила Марин. – Я одна в студии и могу делать все, что заблагорассудится, не беспокоясь о том, что у девушки, которая танцует рядом, растяжка лучше и повороты круче. Я могу позволить себе самой судить о том, как я танцую, а не думать постоянно, как я выгляжу в глазах других.

Уверенность, с которой она это сказала, меня искренне порадовала.

– Это же просто великолепно. Ты все еще счастлива, что работаешь с Гэвином?

Она выпрямилась.

– Что это – любопытство старшей сестры, которая сует свой нос в мои дела, или подлинный интерес к моему творчеству? – полушутя-полусерьезно спросила Марин.

– Второе, – ответила я.

– Он лучший партнер из тех, с кем когда-либо приходилось танцевать. Могу сказать, что танцую гораздо лучше прежнего, даже когда его нет рядом, благодаря тому, чему я у него научилась. И это прекрасно. Именно на это я и надеялась, поступая сюда.

Мне нравится общаться с ним и вне студии. Он разговаривает со мной так, словно я важна для него. Нам весело и хорошо вместе. – Она тепло улыбнулась.

– Я рада за тебя, – с чувством произнесла я.

– А как продвигается твоё сочинительство? – Она сменила позу и прислонилась к кровати.

– Неплохо. В голове у меня уже сложилась картина того, над чем я работаю. По крайней мере, такое ощущение у меня сейчас. Я послала Бет несколько страниц, которые она хотела получить, а потом, как одержимая, снова и снова проверяла почту, пока она не ответила. Бет написала, что ей очень нравится качество написанного и что, по всей видимости, я полностью использую возможности сюжета, который выбрала, и для меня этой похвалы было достаточно, чтобы скакать по всей комнате в победном танце. И знаешь что, я, пожалуй, позаимствую твоих танцующих птичек для своего сюжета.

– Если ты собираешь всякие странные истории, то, пожалуй, тебе стоит поговорить с Ариэль. На днях ее студию просто занесло листьями.

– Листьями? – Это было так странно, что я не была уверена, что все правильно расслышала.

– Они были повсюду. Весь пол был ими завален, и даже пианино. Бардак там был страшный. Ариэль даже пришлось вызывать служащих, чтобы очистить помещение.

– Вот уж не знала, что у нас был такой сильный ветер, чтобы это произошло. Может быть, я провожу слишком много времени в своей комнате? – У меня не было отдельной студии для творчества – я об этом и не просила при поступлении в «Мелету», поэтому мне легко было потерять связь с миром, лежащим за пределами нашего дома и моей истории. Время от времени случались дни, когда я вовсе не выходила.

– А вот тут-то и кроется самое странное во всем этом происшествии, – произнесла Марин, и нотки возбуждения в ее голосе напомнили мне, что в детстве она с упоением слушала страшные сказки и истории о нераскрытых тайнах, причем, чем ужаснее, тем лучше. Ей всегда не терпелось услышать самые жуткие моменты.

– Дело в том, что Ариэль терпеть не может, когда ее слушают во время сочинения песен, поэтому звукоизоляция в ее студии одна из лучших в «Мелете».

– Что означает, что там нет окон, – предположила я.

– Именно так. Там вовсе нет окон. А значит, кому-то пришлось притащить все эти листья туда. Дикость какая, правда?

– Совершенная дикость. Но как хорошо подходит для ночной страшилки!

Позже, той же ночью, я подняла взгляд от бумаги и выглянула в окно. На деревьях сидело множество птиц – они казались заплатками из черного бархата на холсте неба. Птицы, наверное, спали, поудобнее усевшись на ветвях. А может, они наблюдали за мной? Каждый раз, когда я поднимала голову, я видела, что они по-прежнему сидят там.

И я сделала то, о чем в шутку сказала Марин – позаимствовала птиц, поклонников ее таланта, для своей истории, в которой в одну прекрасную ночь на землю обрушились стаи птиц. Их перья покрыли все на свете – дома, реки, деревья. Они просто сидели и наблюдали за людьми. Одна девушка отрастила крылья, чтобы пролететь над птицами, над другими крылатыми созданиями... она стремилась вырваться из пернатого плена, из этой бесконечной ночи, скрыться от глаз, которые неотрывно наблюдали за ней.

Я, наконец, закончила. Отложила записную книжку, сохранила файлы на компьютере. Встала со стула и потянулась, еще раз бросив взгляд туда, где сидели птицы.

И в этот миг они все, как по команде, сорвались с деревьев, превратившись в движущиеся тени, которые слились с ночной тьмой и ее тайнами.

Глава 8

Древесный дым, извиваясь, вполз в мое окно – густой, с запахом горящих листьев. Я раздвинула шторы, потирая глаза со сна. Запах дыма усилился. Сгорая от любопытства, я выглянула в окно.

Перед домом пылал костер, и Елена швыряла в него какие-то вещи.

Моя правая рука невольно согнулась, как клешня, и я физически ощутила языки пламени, их обжигающий жар, вызывающий нестерпимую боль. Они жадно тянулись ко мне, желая обратить в пепел даже мои кости. В глазах потемнело, и я качнулась вперед, ухватившись руками за край стола. Потрескивание костра раздавалось все громче и, не вытерпев, я выскочила наружу.

– Елена! Что ты делаешь? – Я остановилась почти у самого костра, достаточно близко, чтобы схватить ее в случае необходимости, и в то же время достаточно далеко, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности.

Она была покрыта сажей и очень зла.

– Я недостаточно хороша! Предполагалось, что эта стипендиальная программа поможет мне совершенствоваться в поэзии, но здесь я поняла лишь, что совсем ни на что не гожусь! С меня достаточно, я уезжаю отсюда. – Она швырнула в огонь еще одну записную книжку и бесстрастно наблюдала, как обложка пузырится и съеживается.

– Елена, я... – внутри у меня все сжалось, в голове крутились тысячи невысказанных слов, которые жгли меня, словно огонь. На лбу выступили капельки пота. Все тело трясло. Горят слова, страницы. Горит моя рука.

Я прикусила язык с такой силой, что почувствовала вкус крови. Нет, я сейчас не там. Я здесь, в настоящем.

Я здесь и сейчас.

– Хорошо, – пробормотала я. – Хорошо. Ты права. Мне даже не надо читать твои вирши, чтобы понять, что это самое примитивное, самое слащавое подобие стихов, из когда-либо существовавших. Эти жалкие стишки не годятся даже для поздравительных открыток.

Она уставилась на меня, сжимая в руке последнюю несожженную тетрадь.

– Ну, ты и сука.

– Советую выбрать что-нибудь одно, Елена. Либо твои стихи никуда не годятся, и потому заслуживают быть сожженными. Или же я сука, которая несет черт-те что. Что выбираешь?

Она отступила от костра на шаг, и сильнее сжала тетрадь в руке.

– Мои стихи недостаточно хороши.

– Может и так. Но это не повод сжигать все сразу. Тем более, на нашей лужайке. В самом деле, какого черта ты делаешь?

– Ты не знаешь, что это такое.

– Что ты имеешь в виду, Елена?

Костер почти погас. По всей лужайке были разбросаны клочки бумаги. Моя рука распрямилась, и я больше не чувствовала, как огонь обжигает мою кожу.

Когда Елена вновь заговорила, ее голос был резким и хриплым.

– Что, если это все, на что я способна? Если я не смогу подняться над этим уровнем, значит, я недостаточно талантлива. Да, я пишу вполне приличные стихи. И делаю это достаточно мастерски. Но мне не хватает таланта. Черт возьми, не хватает таланта. И только не пытайся убедить меня, что не понимаешь разницы.

На это мне было нечего сказать. Она была совершенно права. Разумеется, существует разница между мастерски написанным и талантливым произведением. Талант не является единственным условием успеха, но все же он необходим для того, чтобы достичь определенных

высот в творчестве. И самое жестокое во всем этом, что, будучи достаточно одаренным, вы понимаете эти различия, и, поверьте, речь не идет о регулярных творческих кризисах человека искусства. Вы можете разложить по полочкам все свои достоинства и недостатки, почувствовать разницу между прекрасным и просто хорошим, между хорошим и великим. Быть недостаточно талантливым гораздо хуже, чем просто быть бездарным, потому что даже крошечная искорка таланта позволяет осознать, чего вы лишены. Я стояла рядом с ней молча, наблюдая, как маленькие язычки пламени превращались в тлеющие угольки, а потом в пепел. Глядя в ее лицо, на котором застыли ожесточенность и растерянность.

Когда погасли последние угольки, Елена поднялась по ступенькам крыльца в дом, все еще сжимая в руке последнюю несожженную тетрадку.

После всего этого невозможно было погрузиться в собственную работу. Каждый раз, открывая ноутбук, я чувствовала запах дыма, даже после того, как закрыла окно. Даже после того, как спустилась вниз и, наполнив кастрюлю водой, залила ею пепелище.

Есть множество анекдотов на тему мамыши – ярой фанатки творчества собственного ребенка. А мораль их такова – все же лучше иметь и других поклонников, кроме родной мамочки. Ты вовсе не должен считать себя гением только потому, что маме нравятся твои картины, и она ставит их на холодильник, чтобы ими любоваться, или настаивает, что тебя непременно должны выбрать на роль Гамлета после того, как ты так талантливо сыграл роль второго пастуха в рождественском спектакле. Все эти восторги стоят не больше, чем билет в подземку.

Вся фишка этих историй в том, что мама, без всякого сомнения, твой самый большой поклонник. Это всем ясно без слов. Это совершенно естественно. Было бы странно, если бы это было не так.

Когда горели плоды моих трудов – истории, которые я писала много лет, все, что я к тому времени создала, все было предано огню – то человек, который швырнул их в костер, был никем иным, как моей собственной матерью. Именно мать держала мою руку в огне, и, казалось, я сгораю вместе со своими творениями.

Если в сказке говорится, что у девочки была мать, то сразу можно догадаться, что дальше произойдет нечто ужасное. Потому что это означает, что мать скоро умрет, и эта смерть будет лишь началом череды несчастий. Отец заведет новую жену, которая приведет в дом своих собственных дочерей, и начнет строить козни, чтобы сделать жизнь падчерицы невыносимой, или отведет ее в темный лес и оставит там одну. Или, что еще хуже, не будет никакой мачехи, но твой отец восплает к тебе страстью и вынудит тебя убежать из дома далеко-далеко, чтобы спастись от его притязаний.

В детстве я не могла вообразить такое! Как может какая угодно мачеха быть хуже моей родной матери, той самой женщины, которая самой природой была предназначена для того, чтобы дарить мне любовь, но которая не делала этого. Я даже завидовала девочкам из сказок, которых мачеха заставляла спать на золе или в хлеву с животными. Девочкам, которым, в конце концов, всегда удавалось сбежать.

Умные девочки, смелые девочки. Девочки, которые сумели избежать печальной участи. Девочки, которые твердо знали, что хотят изменить свою судьбу, и боролись за это не на жизнь, а на смерть. Я и представить не могла, что можно на это осмелиться, живя с родной матерью. Я старалась быть тихой и незаметной, вела себя тише воды, ниже травы, и все же мне не удавалось ускользнуть от ее безжалостного внимания. Я скрывала от нее свои тайны, с помощью которых она могла бы мной манипулировать, заставить меня молчать. Но и это не помогало, я не могла быть настолько тихой и незаметной – для этого, как я теперь думаю, мне надо было совсем исчезнуть из этого мира.

По ночам я закрывала глаза, сжимала кулаки и всей душой желала, чтобы моя мать умерла. Я не представляла, как смогу пережить детство, вырасти и стать взрослой, если этого не произойдет.

Но она не умерла, а я пережила свое детство, но часто вспоминаю эти темные желания, те моменты, когда я лежала, свернувшись калачиком в постели, спрятав лицо в подушку, чтобы Марин не слышала моих рыданий. Вспоминаю, как сильно я желала ей смерти. Все мое тело содрогалось от этого неистового желания.

И даже теперь, когда я понимаю, что это неправильно, что это ужасно – желать зла собственной матери, и в сказке я непременно была бы чудовищем из-за этих мыслей, я должна признать, что никогда в жизни я так отчаянно не желала ничего другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.